С 91(98)
С 302

СЕРГЕЙ СЕМЕНОВ

ЭКСПЕДИЦИЯ НА „СИБИРЯКОВЕ"

Кабинет Севера.

ОГИЗ
ЛЕНГИЗДАТ

150610

150610.

Сергей Семенов

С91(48)
С302

Экспедиция на «Сибирякове»

1948

Кабинет Севера
Обл Библиотеки
им. А. Н. Добролюбова

Кабинет Севера.

ОГИЗ
Детгиз 1933
1955

1966 г.

5491к.

91(38)

Ответственный редактор *Н. ЕСЕЛЕВ*
Технический редактор *Н. ДЕМБО*
Корректор *Н. МАЛКОВ*

2010

1995

2002

Нейтрализация
20 10 г.

1

ЛЕТОПИСЬ

В продолжение почти четырех столетий мечта отыскать Северный морской путь томила воображение мореплавателей, географов, купцов, отважных авантюристов. Летопись бесчисленных попыток — удивительная летопись, идущая сквозь века и размеченная, точно вехами, потрясающими трагедиями.

Первая страница летописи — рассказ об экспедиции Гуго Виллоуби в 1553 г., а последняя — рассказ о «Сибирякове» в 1932 г. И первая и последняя страницы летописи прикреплены к эпохам, которые, будучи разделены четырьмя столетиями, все же обладают некоторым сходством. Сходство обеих эпох — в одинаковой молодости и в одинаковом полнокровии основных классовых сил. С полным правом первую из эпох можно именовать утром буржуазии, а вторую, нашу — утром социализма. И есть какая-то глубокая символика в том, что великая задача, поставленная буржуазией на заре своего существования, разрешается лишь спустя четыреста лет, на заре социализма.

Экспедицию Виллоуби снарядила предприимчивая английская буржуазия, в лице «Общества купцов — искателей приключений для открытия стран, земель, островов, государств и владений неведомых доселе и морским путем не посещаемых». Английской буржуазии Северный морской путь нужен был как средство борьбы с могущественными конкурентами, испанскими и португальскими купцами, державшими в своих руках Южный морской путь. Старый Южный морской путь вел в богатые восточные страны, Индию и Китай. Ежегодно его бороздили сотни испанских и пор-

тугальских кораблей, менявших товары Запада на золото, пряности и драгоценные ткани Востока. Огромные прибыли от торговых операций полностью утекали в испанские и португальские карманы. Молодая английская буржуазия, еще недостаточно сильная, чтобы спорить с счастливыми конкурентами при помощи кулака, должна была направить свое внимание на север. Там, по уверению географов, пролегал другой путь в восточные страны, и этот новый путь через полярные моря был более коротким и, следовательно, более выгодным.

Экспедиция отплыла из Лондона в составе трех кораблей. Судьба одного из кораблей интересна тем, что имеет отношение... к Ивану Грозному. Случилось, что, отбившись от эскадры, корабль бурею был пригнан в устье неизвестной реки, оказавшейся Северной Двиной. Поднявшись по реке, англичане открывают... Московию. Чтож, доброму вору все впору, и если не Индия и Китай — пусть Московия... И Ченслер, капитан заблудившегося корабля, разыгрывает роль королевского посла в Архангельске и Холмогорах. У недоверчивых московских воевод Ченслер добивается разрешения посетить Москву, а в столице московитов с успехом представляется Ивану Грозному как «посол английского короля». Московский царь, польщенный неожиданным вниманием английского собрата, заключает с Ченслером торговый договор, весьма выгодный для «Общества купцов — искателей приключений».

Судьба самого Гуго Виллоуби — иная. Направляясь к востоку от мыса Нордкап с двумя оставшимися кораблями, Виллоуби встретил непроходимые льды, еще не доходя до Новой Земли, и поспешил обратно. У нынешнего мурманского берега зима настигла корабли. Виллоуби успел войти в устье какой-то реки на Кольском полуострове и там зазимовал. Как пытались бороться с полярной зимою первые искатели Северного морского пути, осталось их тайною. На следующий год оба корабля были найдены промышлявшими здесь русскими поморами. Это

были корабли мертвецов. Экипаж обоих, в составе 64 человек, погиб от морозов и цынги.

Неудача Виллоуби не остановила его последователей. Идея Северного морского пути, подобно всякой больной идее, однажды родившись, должна была жить и волновать воображение человека, пока человек не претворит ее в жизненную практику. Вслед за Гуго Виллоуби устремились на север многочисленные экспедиции: английские, голландские, датские. Судьба их одинакова: одни погибали, другие возвращались, ничего не достигнув. Ни одна из них не могла проникнуть далее Карского моря.

Четырехвековая летопись зияет провалами, долгими «глухими» десятилетиями, когда под гнетом хронических неудач отчаивались искатели и временно притухала самая идея Северного морского пути. Но являлись новые искатели—и новые десятки экспедиций устремлялись на таинственный Север. С течением времени чисто географическая задача отыскать Северный морской путь превратилась в идею более широкую: научного исследования и изучения полярных стран. Каждое завоевание техники, применимое для полярных экспедиций, с новой силой толкало в полярные страны. Каждый век последующий, увеличивая количество экспедиций, глубже проникал на крайний север и на крайний юг и все больше тайн вырывал у природы, окованной в ледяную броню.

Девятнадцатый век выслал в полярные страны рекордное число экспедиций. Богато снабженные, технически оборудованные экспедиции девятнадцатого века часто являли собою мощные научные отряды, приготовленные к борьбе с природой, как армии к борьбе с врагом. И все же, время от времени, потрясающие трагедии продолжают разыгрываться в ледяных пустынях. В 1845 г. отправилась на поиски Северного морского пути (северо-западный вариант) экспедиция Франклина, но судьба ее печальна: она исчезла, как в сказке. На поиски Франклина было снаряжено свыше сорока экспедиций, поиски продолжались десятки лет, уже не оставалось сомнения, что экспедиция погибла целиком, но хотелось найти хотя бы след ее.

Чем выше взбирается наука на гору знания, тем большее число новых проблем открывается в ее расширившемся горизонте. Так и с изучением полярных стран. К началу последней четверти девятнадцатаго века мертвые полярные пространства ожили под пристальным взором науки. Ледовитые моря таили в себе не только новые морские пути, не только новые острова и, быть может, материки, но оказалось, что целый букет важнейших проблем геологии, магнетизма, биологии, геодезии, метеорологии (в особенности метеорологии) связан неразрывно с полярными странами и не может быть разрешен без всестороннего изучения полярных областей земного шара. Неожиданное открытие, — кстати сказать, высказанное впервые в форме научного предвидения гениальным австрийцем Карлом Вейпрехтом, — коренным образом изменило задачи и методы исследования полярных стран. Полярным исследователям стало ясно, что без широкого, систематического научного наступления на ледяные пустыни нельзя победить Арктику. Была даже сделана попытка повести это наступление объединенными силами культурных народов: «Первый международный полярный год» (1882).

На почве новых задач, возникших перед учеными полярниками, родились и новые исследователи. Имена Нансена и Амундсена, взошедшие над льдами Гренландии, Арктики и Антарктики, останутся в человеческой памяти как образы мужества и героизма. Деятельность этих великих исследователей обнимает собою и начало нашего столетия.

Октябрьская революция и рожденный ею социализм вырвали инициативу в исследовании полярных стран из рук одряхлевшей буржуазии и передали ее в руки пролетариата. СССР свою полярную работу мог начать только после ликвидации интервенции в Северном крае. Но десять-двенадцать лет работы СССР составляют летопись не менее удивительную, чем летопись четырех веков. Новые социалистические формы организации советских полярных экспедиций, новые личные мотивы для совершения «полярных подвигов», новые плановые методы научно-исследо-

вательской работы в Арктике, — все это дало неслыханные для одного десятилетия практические результаты. С особенным блеском развернулась советская работа в Арктике в годы первой пятилетки. Ежегодные «Карские экспедиции» к устью Оби и Енисея за короткое время оживили огромный край и родили большую промышленность и новые города на крайнем севере Западной Сибири; научно-исследовательские походы «Седова», экспедиции на «Красине» и «Малыгине», полеты Чухновского и Бабушкина — примеры советской работы в Арктике, изумившие мир; и наконец, у порога второй пятилетки — рейс «Сибирякова», осуществивший мечту четырех столетий.

Путь, пройденный «Сибиряковым», пройден трижды до «Сибирякова». Пятьдесят пять лет назад путь пройден Норденшельдом, девятнадцать — Вилькицким и четырнадцать — Амундсеном. Трижды пройденный путь «Сибиряков прошел в четвертый раз.

Разница между «Сибиряковым» и его предшественниками в том, что предшественники прошли путь с зимовками, тратили на его прохождение по два и по три года, а «Сибиряков» прошел в два месяца и четыре дня. Какое значение может иметь морской путь, на прохождение которого необходимо тратить два и три года? Никакого. Как идея транспортная, как идея экономическая, как идея связи — такой путь теряет смысл. Чтобы сделать его большой морской дорогой, нужно, чтобы эта дорога стала проходимой в одну навигацию. Вот о чем мечтали в течение четырех столетий! Вот что осуществил «Сибиряков»!

Походом «Сибирякова» четырехвековая летопись не закончена. Закончена лишь первая часть летописи: «Поиски Северного морского пути». Вторая пятилетка начнет вторую часть летописи: «Освоение Северного морского пути».

Не надо ручательства в том, что вторая часть летописи не растянется на четыре столетия. Стоит лишь вспомнить, что прошло всего десять дней после возвращения сибиряковцев из плавания (газеты еще не успели подсчитать их достижений), а правительство СССР уже опубликовало декрет, которым оповестило страну, что оно учреждает

«Главное управление Северного морского пути», на которое и возлагается задача освоить новый путь в кратчайший срок.

Начинается колоссальная работа. Старинная мечта скоро перестанет быть мечтою. В наших обычных темпах она будет претворяться в жизненную практику. Жизненная практика в нашей стране — строительство социализма.

ЗАДАНИЕ ПАРТИИ И ПРАВИТЕЛЬСТВА

Наши темпы изумляют нас самих. Но попробуем опередить темпы и помечтать, что задание партии и правительства выполнено: Северный морской путь освоен и стал частью жизненной практики социалистического строительства.

Разложите на столе карту полушарий, или, лучше, поставьте глобус и посмотрите внимательно на его северную половину, как она устроена, как в ней размещены три ее материка,—крупнейшие, важнейшие, наиболее населенные и наиболее цивилизованные,—как три материка соединены геологически, где между материками пролегают ныне и пролегали всегда мировые экономические пути, связывающие народы, и подумайте, где естественно должны пролегать эти пути, если б экономика народов была объединена единым хозяйством, а технические средства связи были бы могущественнее, чем препятствия, поставленные перед человеком природой полярных стран.

Вы увидите неожиданные вещи. Со школьной скамьи привыкнув к представлению, что земля делится на полушария западное и восточное, вы вдруг почувствуете нелогичность такого деления. Земля должна делиться на северное и южное полушария: в северном полушарии размещены все три важнейших материка.

Мало того, на крайнем севере массивы материков резко сближаются. Посмотрите внимательно, насколько сближены на севере материки — и у вас невольно изменится ваше старое представление о разделенности народов и стран, сформировавшееся в вашем сознании еще

в ту пору, когда школьный учитель разъяснял, что Азию и Америку разделяет самый большой на земле океан.

Вы с удивлением увидите, что между Парижем и Ташкентом гораздо большее расстояние, чем между Уралом и Канадой или Архангельском и Аляской; вы увидите, что Великий северный морской путь — вдвое короче обычного рейса советского теплохода Ленинград-Одесса и почти равен рейсу Ленинград-Мурманск (не через Беломорско-Балтийский канал); вы, наконец, увидите, что вся площадь Северного полярного моря, которое вы именуете Ледовитым «океаном», только в четыре раза больше Средиземного моря.

И, увидев, вы наверное измените ваше представление о географии мира, выращенное школьным учителем. И если при этом вы способны представить будущее мира как будущее социалистическое и если вам известно, что наука и техника сегодня стоят у порога, за которым исчезнут препятствия, рождаемые природой полярных областей,— для вас станет бесспорным вопрос, где лягут мировые пути будущего,—морские, воздушные и железнодорожные.

Да, даже железнодорожные. Когда корабль идет узким проливом и попеременно тычется то в берег старой Азии, то в берег молодой Америки, — очень трудно отказаться от мысли, что здесь, над мачтами плывущих кораблей, будет переброшен... железнодорожный мост. Берингов пролив узок и мелок, его ширина — 60 — 80 километров, посредине лежат острова Диомида. Все эти подробности невольно заставляют воображение рисовать неведомую сухопутную дорогу будущего, соединяющую два величайших континента.

О воздушных дорогах в Арктике — речь особая. С некоторым приближением следует считать их фактом сегодняшнего дня. Отдельные полеты к северному полюсу и обратно на аэропланах и дирижаблях, сквозные полеты через весь полярный бассейн (в том числе над географической точкой полюса) — пройденный этап. Мы — накануне величественного момента, когда над ледяными морями Арктики будут переброшены мощные трансарктические

воздушные дороги. Уже возникло международное общество «Аэроарктик», практически проектирующее воздушные линии, которые свяжут Европу с Восточной Азией и Западной Америкой по кратчайшему расстоянию, то есть через полярные области. Вообразите воздушное путешествие от Берлина до Токио в четверо суток... Вдохновенная перспектива.

Но вдохновенная перспектива имеет обратную сторону, весьма знакомую Советскому союзу. Оскаленной мордой войны, угрозой против Советского союза она обернется, когда час покажется удобным для хищников, жаждущих крови рабочих и советских богатств. 10000 километров наших социалистических границ, сбегающих в полярные моря, были до сего дня защищены самой природой. Ныне империалисты рассчитывают, что они скоро станут беззащитны. Другими словами, они рассчитывают на мировое господство на будущих трансарктических воздушных путях.

Пустые расчеты. Чтобы быть хозяевами в Арктике — нужно ее освоить. Совершить такое «чудо» —не под силу дряхлеющему капитализму. «Чудо» требует для совершения — социалистического энтузиазма от «чудотворцев». Этот «капитал» имеется в избытке только в нашей стране. Мы освоим Арктику. Арктика перестанет быть «Арктикой» — и превратится в «Северный край», вовлеченный в общую экономику страны, на основе единого народно-хозяйственного плана.

Вот в этой-то титанической работе, к которой страна уже приступила, прокладка сквозного морского пути вдоль северного нашего побережья — шаг исключительного значения.

Из узкого горла Белого моря вы попадаете в море Баренца, из моря Баренца через Югорский шар, или Маточкин шар, вступаете в грозное когда-то Карское море, из Карского проливами Северной Земли, или проливом Вилькицкого, проходите в море Лаптевых, из моря Лаптевых — в Восточно-Сибирское и, наконец — в Чукотское море. Итого — шесть морей.

Проложить сквозной путь через эти шесть морей — от Архангельска до Тихого океана — и составляет задание партии и правительства.

Первое на пути — крошечное Белое море, — о нем говорить не стоит. Белое море не может быть причислено к числу полярных морей: большая часть его лежит южнее полярного круга. Древнее море русских поморов.

Следующее за Белым Баранцево море также не составит препятствия. За последнее десятилетие в Баренцевом море проложены прочные советские морские дороги: к Шпицбергену, к Новой Земле, к устью Енисея и Земле Франца-Иосифа. Южная часть Баранцова моря настолько промеряна и прощупана многочисленными научными экспедициями, что донный рельеф ее известен лучше, чем, например, поверхность б. Тверской губернии.

Карское море изучено гораздо менее. Но и в Карском море существуют регулярные рейсы, так называемые «Карские экспедиции», связывающие север Западной Сибири с европейскими странами. Ежегодно советские ледоколы проводят к устью Енисея десятки иностранных судов. Год от году рейсы становятся увереннее и безопаснее. Возникает настоящая большая морская дорога.

Устье Енисея является крайней восточной точкой на сибирском побережьи, до которой достигают морские пути, ведущие с запада, из бассейна Атлантического океана. Для путей, ведущих в Арктику с востока — из бассейна Тихого океана (из Владивостока), аналогичной крайней западной точкой является устье Колымы. Между Владивостоком и устьем Колымы существуют периодические рейсы. Корабли успевают в течение одной навигации добраться из Владивостока до Нижнеколымска и вернуться обратно. Случаются и зимовки, но сравнительно редко.

Уже существующие ныне пути — с запада до Енисея и с востока до Колымы — совпадают с будущим сквозным путем вдоль всего побережья. Но к средней части побережья, на всем огромном протяжении от мыса Челюскина до устья Колымы, прилегают моря бр. Лаптевых и Восточное-Сибирское. Это глухие загадочные моря, «нераспе-

чатанные» наукой. До них не достигают морские дороги ни с Запада ни с Востока. Корабли, когда-либо побывавшие в их водах, сосчитаны до одного. В сущности, никто не видел лика этих морей. Единственные из людей, Норденшельд, Вилькицкий и Амундсен, пересекшие их, шли, прижимаясь к берегу.

«Нераспечатанные» моря омывают побережья Таймырского полуострова и Якутии, то есть территорию, колоссальную по пространствам (больше Европы), чудовищную по богатствам и невообразимую по безлюдию и бездорожию (ни одного километра железных дорог). Подлинная страна под замком. Скованы ее сказочные производительные силы, цепенеют ее изумительные творческие возможности. Ежегодно десятки экспедиций бродят по фантастическим пространствам и без конца увеличивают список богатств, скрытых в их недрах. Нужна, как воздух, большая морская дорога к сердцу этого края — к устью Лены. Иначе еще долго список богатств будет числиться под рубрикой: «в резерве социалистического строительства».

Помечтаем еще. Вот из бухты Тикси, что в устье Лены, или из Игарки, что на Енисее, или из Нижне-Колымска, что на Колыме, или из Петропавловска на Камчатке, или из Александровска на Сахалине, или из Советской гавани и Владивостока на Тихом океане — выходят морские теплоходы. Путь теплоходов — путь, пройденный впервые «Сибиряковым». Но капитаны ведут корабли не в Архангельск, а прямо в Ленинград. Из Белого моря через карельские леса и каменные массивы теплоходы пойдут по грандиозной лестнице Беломорско-Балтийского канала.

Но, быть может, теплоходы, вышедшие из бухты Тикси, держат курс вовсе не на Ленинград, а в морской порт в Москву, или Ростов-на-Дону, или Днепропетровск, Одессу, Батум, или даже Баку или Кара-Бугаз, что на Каспийском море? Вполне возможно! Большевики дали стране новую географию. Советские европейские моря — Белое, Балтийское, Черное, Азовское, Каспийское — соединены водными дорогами. Крепко связаны в одно целое

бассейны великих сибирских рек. Каменный уголь Кузнецкого бассейна течет в Магнитогорск водным путем. Физкультурники задумывают грандиозную водную эстафету Киев-Якутск...

Большевики дали стране новую географию... и морские теплоходы, отправляясь из новых северных центров, везут в подарок старым социалистическим городам олово с Северной земли, золото с Колымы и Алдана, пушнину с Чукотки, рыбу с Камчатки, уголь из Тунгусского бассейна, медь с Колгуева, нефть с Печоры, алюминий с Кандалакши, никкель из Монче-тундры, разнообразные руды с Таймырского полуострова и даже качественный лес из Дальневосточного края.

Но, быть может, я ошибаюсь. На высоком севере, быть может, возникли мощные производственные комбинаты и они посылают в подарок старым социалистическим городам не сырье, а готовую продукцию? Чтож, возможно.

Но вот в чем не могу ошибаться — это в ответе на вопрос: а что морские теплоходы повезут обратно, в далекие северные края? Они, конечно, повезут туда людей: инженеров, ученых, хозяйственников, агрономов, врачей, мастеров стали и железа, строителей машин, автомобилей, турбин и паровозов, строителей Домов культуры и социалистических городов... Теплоходы непременно повезут туда людей, ибо те края не имеют края, они бесконечно богаты и бесконечно пустынны. Они еще долго будут кричать: дайте человека! дайте человека!..

И, когда «Сибиряков», наконец, подходил к устью Лены, не один я на борту «Сибирякова» с волнением смотрел на открывавшуюся глазам картину: берег моря, заваленный плавником, невысокие холмы и — вдали горы в синем тумане. Мы достигли сердца края и потратили на путь всего четыре недели. С этого момента задание партии и правительства, врученное «Сибирякову», можно считать наполовину выполненным.

И не один я на борту «Сибирякова», разглядывая приближавшийся пустынный берег, видел его наполненным цветущей жизнью. Непременно здесь возникнет сильная,

цветущая жизнь, ибо отсюда — направо и налево, в просторы Тихого и Атлантического океанов — ведут кратчайшие морские пути. Все дело в препятствиях, которыми завалены пути. Но даже препятствия, воздвигнутые Арктикой, разве они могут остановить ход социалистической страны в свое будущее? Не могут. Коммунизм — это ведь не только окончательно устроенное человеческое общежитие, но и окончательно побежденные препятствия, поставленные природой на пути человека.

ВОЖДИ ЭКСПЕДИЦИИ.

О вождях экспедиции на «Сибирякове» лучше всего привести необходимые биографические сведения и кратко рассказать о предыдущей их работе. Мужеству и опыту этих людей партия и правительство доверили ответственнейшую и труднейшую задачу. И это означает: большей похвалы этим людям воздать нельзя.

Профессор Шмидт

Начальник экспедиции профессор Шмидт, Отто Юльевич, по специальности—математик. Почему профессор математики стал полярником? Ответ простой: профессор Шмидт—большевик и, как каждый большевик, отдает себя тому делу, на которое его послала партия.

Большевиком профессор Шмидт стал еще в тысяча девятьсот восемнадцатом году. Если припомнить настроения большинства старой интеллигенции тех лет и активный саботаж, каким она встретила первые мероприятия советской власти, станет понятен мелкий комический эпизод, сопровождавший вступление в партию профессора Шмидта. Некий другой профессор (кажется, биолог) однофамилец Шмидта, прослышав о вступлении в партию математика Шмидта, опубликовал в печати встревоженное письмо, в котором умолял своих коллег не смешивать его имени с именем математика... С того дня утекло много воды, и профессор однофамилец Шмидта, раскудахтавшийся,

как курица, в восемнадцатом году, стал ныне отличным советским профессором. Любопытно, что оба профессора изредка встречаются и по сие время, но никогда математик не напоминает биологу о комическом эпизоде. — Ни к чему напоминать, — говорит Отто Юльевич.

В восемнадцатом году профессор в рядах большевиков был ни с чем не сравнимым исключением. Меж тем в стране, разрушенной войною, громоздились горы работы, требовавшей высоких знаний. Профессора были нужны. Каждая голова, наполненная высокими знаниями, нужна была пролетариату, ценилась партией как хлеб, как пуля на фронте.

Отто Юльевич приступил к работе сначала в Наркомпроде, потом в Наркомфине, потом в Наркомпросе, потом в ЦСУ, потом в Главпрофобре, потом в Госиздате, потом в Большой советской энциклопедии...

Наркоматы следовали один за другим, причудливой шеренгою проходя через жизнь математика. Работа сменялась новой работой. Годы накоплялись довольно скупо, но быстро рос большевик и быстро сутулились плечи человека.

В 1928 г., вместе с Советско-германской экспедицией, сутулый профессор, успевший вырастить большую черную бороду, вскарабкивается на вершины Памира.

Но Памир—«Крыша мира»—остается кратким эпизодом в жизни Шмидта. За Памиром—Арктика. Это неожиданно, но во-время. Страна входит в первую пятилетку, обязывающую не только к всеобщему труду, не только к всеобщей грамотности, но и к большему знанию. Страна хочет знать свои неизвестные северные окраины, свои загадочные полярные моря. По директиве правительства Институт Севера, довольно чахлое научное учреждение, превращается во «Всесоюзный арктический институт», и Шмидт, математик, скоро становится его директором.

И в следующем 1929 г. Шмидт возглавляет полярную экспедицию Арктического института на Землю Франца-Иосифа.

150610

Кабинет Севера
Обл Библиотеки
им. А. Н. Добролюбова

Земля Франца-Иосифа — архипелаг в Европейском Арктическом секторе, составленный не из одной сотни мелких и крупных островов, общая площадь которых больше, например, б. Черногории в три-четыре раза. Удаленный к северу далее, чем какая-либо другая земля, архипелаг Франца-Иосифа является важнейшей научной базой для изучения Арктики. В недалеком будущем архипелаг Франца-Иосифа станет не менее важной базой для трансарктических воздушных дорог.

Учитывая его значение, наши северные соседи попытались оттягать архипелаг от СССР. Наши северные соседи прибегли к политике фактического захвата, посылая многочисленные зверобойно-промысловые экспедиции в богатейшие воды архипелага.

Экспедиция Арктического института на ледоколе «Георгий Седов», под командой капитана Воронина, благополучно достигает архипелага. Шмидт, как правительственный комиссар экспедиции, объявляет Землю Франца-Иосифа достоянием СССР и поднимает флаг Советов. На острове Гукер строится постоянная научная станция. Оставлены на поселение первые зимовщики. Экспедиция выполнена блестяще.

В следующем 1930 г. Шмидт ведет новую экспедицию Арктического института — на Северную землю. Об этой экспедиции следовало бы написать героическую поэму. Таинственная манящая Северная земля, скрытая в глухих морях — о ней мечтали Нансен, Амундсен, Нобиле. Последний, прилетая к полюсу на дирижабле, жаждал хотя бы взглянуть на таинственную землю с воздуха, но она осталась скрытой в туманах для дирижабля Нобиле и недоступной для кораблей Нансена и Амундсена. В существовании Северной земли человек удостоверился всего восемнадцать лет назад. Гидрограф Вилькицкий, идя морем Лаптевых на ледоколах «Таймыр» и «Вайгач», увидел перед собою неизвестную землю, по-видимому, крупную, и наименовал ее Землею императора Николая II. Льды не позволили Вилькицкому высадиться и не позволили установить с точностью, насколько к се-

веру простираются новые владения Николая II. На карту ориентировочно был нанесен лишь восточный берег. Каков берег западный? что за земля? архипелаг ли это, подобно Земле Франца-Иосифа? отдельный ли остров? — ничего не было известно вплоть до экспедиции Шмидта.

Экспедиция на Северную землю оказалась из ряда вон выходящей по своим трудностям, но эти-то трудности и позволили Шмидту обнаружить свои удивительные качества как вождя советской полярной экспедиции. Северная земля оказалась окруженной совершенно неприступными льдами. Ледокол «Георгий Седов», блуждая вдоль западных берегов, тыкался в эти неприступные льды то там, то сям и никак не мог приблизиться к берегу настолько, чтобы произвести выгрузку и высадку. Надежда на успех у участников экспедиции неоднократно сменялась горечью поражения, и только воля начальника экспедиции каждый раз снова возрождала надежды.

Экспедиция увенчалась успехом.

Возвращаясь в Архангельск (ледокол шел еще полярными морями), Шмидт совместно с профессором Визе задумывает новую экспедицию... Что за экспедицию? Через два года новая экспедиция получила свое имя: «Экспедиция на „Сибирякове“».

Окончательный проект экспедиции на «Сибирякове», оформленный в цифрах и сметах, созрел в Арктическом институте к концу 1931 г. Весною 1932 г. Шмидт поставил перед правительством СССР вопрос о своевременности и нужности экспедиции Архангельск—Владивосток в одну навигацию.

Надо отметить, что проект экспедиции, представленный правительству, встретил частичные возражения. Возражал Наркомвод,—тот Наркомвод, который должен бы, казалось, более других наркоматов заинтересоваться проблемой Северного морского пути. Разумеется, несмотря на возражения Наркомвода, проект был утвержден и средства на экспедицию отпущены.

Весну и лето 1932 г. Арктический институт был занят подготовкой к экспедиции. В подготовке Шмидт особое

значение придавал подбору людей. Этой частью общей подготовительной работы Шмидт руковил сам лично.

Капитан Воронин

„Гвозди бы делать из этих людей—
Крепче бы не было в мире гвоздей"...

Порода людей, из которых можно делать самые крепкие в мире гвозди — особая порода. Про этих людей говорят: «сами себя сделали».

Капитан Воронин, Владимир Иванович, тоже «сам себя сделал». Мастерской, где капитан «делал себя», была жизнь, составленная из кораблей, бурь, ветров, морей, льдов и непрерывной многолетней учебы, продолжающейся и поныне. Он коренной северянин, помор, потомок тех поморов, пожелтевшие портреты которых до сих пор украшают стены избушек на севере Норвегии и заставляют седых фру вздыхать и вспоминать свою молодость и молодость своих бабушек: он потомок тех легендарных поморов, которые задолго до открытия Новой земли Баренцем ходили туда на лодках и оставляли на суровом острове могилы, осененные крестами; он потомок тех еще более далеких предков, которые в «малых кочах» ходили к устью Оби и Енисея (дорогою нынешних Карских экспедиций), и основали в нынешней Тазовской губе сказочную Мангазею. Еще «Общество купцов—искателей приключений» не отправило первой в истории экспедиции на поиски Великого северного пути, а предки капитана Воронина уже ходили этим путем до самого Енисея.

Семья Ворониных — традиционная семья поморов. Будущему капитану «Сибирякова» было шесть лет, когда отец «вывез» мальчика в море на рыбачьей лодке. Между «мальчиком в море» (зуйком) и капитаном «Сибирякова» лежит удивительная лестница, пройденная Владимиром Ивановичем в тридцать шесть лет. Летом в море, зимою учеба — так, ступенька за ступенькой, шла лестница. Про-

фессиональные опасности, увеличенные суровыми северными морями, не раз грозили ее оборвать. К счастью, не оборванная, она сегодня привела Владимира Ивановича на капитанский мостик «Сибирякова».

О плаваниях Воронина написаны книги. У Воронина имя лучшего ледового капитана на советском европейском севере. Профессор Шмидт именует Воронина «капитаном-артистом».

Не вина капитана Воронина, что до 1928 г. имя Воронина мало что кому говорило. Только плавание на «Георгии Седове» в 1928 г. заставило ученых полярников из Института севера обратить внимание на «капитана-артиста».

Этот 1928 г. вообще примечателен в полярных летописях. В 1928 г. Нобиле совершил свой «знаменитый» полет, в 1928 г. погиб Амундсен, в 1928 г. всему миру стали известны имена «Красина» и «Малыгина» и подвиги Чухновского и Бабушкина. Но рядом с этими признанными образцами человеческой воли, энергии и мужества следует поставить и поход Воронина на «Георгии Седове». Из восьми тысяч миль, сделанных в походе, пять тысяч пройдено льдами. Кто знает условия плавания во льдах, тот представит себе, каких усилий стоили пять тысяч миль и какого высокого искусства кораблевождения они потребовали.

И в следующем году капитан Воронин, замеченный, наконец, учеными полярниками, ведет экспедицию Арктического института (первую экспедицию Шмидта) на Землю Франца-Иосифа. В этот рейс капитан Воронин ставит мировой рекорд свободного плавания в арктических морях.

В следующем году Воронин ведет другую экспедицию Арктического института (вторую экспедицию Шмидта) на Северную землю. В этот рейс он почти повторяет прошлогодний рекорд, проплыв по белому пятну карты вдоль западных берегов Северной земли, причем было открыто несколько новых островов.

Я познакомился с капитаном Ворониным в Ленинграде, в Арктическом институте, на одном из заседаний

дирекции института по подготовке экспедиции на «Сибирякове». В комнату, где происходило совещание, скромно вошел большой человек с большими, пышными рыжими усами, пальто его было застегнуто наглухо, фуражку он держал на отлете. Профессор Шмидт, заметив входящего, стремительно поднялся навстречу, широко раскрывая руки для объятия и приготовив губы для поцелуя. Капитан Воронин смущенно заулыбался, поспешно разгладил пышные усы и осторожно обнял тощие плечи профессора. Затем капитан Воронин уселся в глубине дивана, и на его лице я прочел очевидное намерение помолчать во время ученого совещания. Помолчать Воронину не пришлось: его заставили отвечать на многочисленные вопросы. Воронин отвечал, но с невеселым и стеснительным видом.

Если начальник экспедиции Шмидт олицетворял на «Сибирякове» верховную власть, то капитан «Сибирякова» Воронин представлял собою главнокомандующего всеми «вооруженными» силами по борьбе с природой. Если профессор Шмидт не предпринимал ни одного важного решения, связанного с дальнейшим продвижением «Сибирякова», не посоветовавшись с Ворониным, то капитан Воронин не утаивал от Шмидта ни одного из своих капитанских затруднений. Колоссальный практический опыт Владимира Ивановича часто вносил поправки в научные выкладки профессора Визе и показания метеорологических приборов.

Не стоит говорить о капитане Воронине как о человеке, преданному делу. В людях породы, к какой принадлежит Воронин, преданность делу подразумевается сама собою. Никого на «Сибирякове» не удивляло, что наш капитан способен провести на капитанском мостике круглые сутки без всякой смены. Именно так и бывало, когда «Сибиряков» переживал трудные дни. С упорством, с тем невероятным упорством, которое рождается с сознаниемцели, наш капитан разглядывал в огромный цейсовский бинокль ледяные поля, державшие «Сибирякова» в плену. В причудливом нагромождении торосов, простирающихся до горизонта, наш капитан искал «слабые места» (непривычный

глаз не определит их на фоне однообразной картины), искал «лазейки», куда можно было бы направить удар «Сибирякова», и находил, и «Сибиряков» шел вперед.

Если в такую минуту вы взошли бы на мостик «Сибирякова», вы подслушали бы, как наш капитан бормочет про себя:

«Эх, Саша, нажми, Саша...»

«Сашей» он называл «Александра Сибирякова».

Есть на свете вещи, которых наш капитан очень боится. Это, конечно, не море, не безумные северные ветры, не подводные банки. Наш капитан страшно боится малейшего намека на то, что он, Владимир Иванович Воронин, нежный и чувствительный человек. При всяком таком намеке наш капитан сначала смутится, потом рассердится, а затем начинает крыть особо выразительными словами людей, непричастных к ужасному намеку, но присутствовавших в тот момент в поле зрения капитана.

За час до отплытия из Архангельска я увидел в каюте капитана Воронина его жену и детей. Жена принесла из дому цветы в глиняном горшке. Впоследствия я узнал, как капитан любит цветы: он аккуратно поливал их, покамест мы шли шестью морями. Цветы в глиняном горшке благополучно прошли Северным морским путем и, очевидно, благополучно обогнули с двух сторон Азию и с двух сторон Европу и снова встали на привычное место на домашнем подоконнике.

Наш капитан — исключительно талантливый рассказчик. Его можно просто заслушаться. Он не просто рассказывает — рисует словами. Глаза, губы, усы и большие выразительные руки помогают словам.

Он отлично знает про собственное умение талантливо рассказывать и любит, когда им восхищается благодарная аудитория. Стоит кому-нибудь особенно ярко выразить восхищение, как наш капитан тотчас повторит выигрышное место, но повторит непременно хуже, чем в первый раз, и оттого слегка сконфузится.

Он любит родное Поморье, этот заповедник досоветской старины, уцелевший до сих пор кое-где почти пол-

ностью. Он отлично знаком со старинными обычаями и обрядами Поморья, любит песни, которые пели его отцы и деды и поет их сам в добрую минуту.

Еще сильнее капитан любит море, ветер, корабль, волну. Это не только любовь профессионала. С горечью в голосе он иногда говорит о том, как жалко ему, капитану Воронину, что СССР не морская страна.

«Сибиряков» вошел в пролив Маточкин шар. Я взобрался на капитанский мостик, и одна из самых изумительных картин природы, какие когда-либо приходилось мне видеть, открылась моим глазам, — направо и налево от «Сибирякова». Наш капитан тотчас подошел ко мне и жестом, каким художник показывает собственную картину, предложил моему вниманию окружавшие горизонты:

— Ну, каково, Сергей Александрович?

— Замечательно, Владимир Иванович.

— Что ваш юг? Разве может юг сравниться?.. Посмотрите.

И снова хозяйским жестом наш капитан предложил мне полюбоваться уголком неба с причудливым на нем облаком.

Профессор Визе

Солнечный зной, ливни, иссушающие ветры — явления природы, вся сумма которых в просторечии именуется погодой. Что мы знаем о погоде? Профессор Визе думает, что знаем мало. Стоит только вспомнить, что не столь давно попы размахивали кадилами и, гипнотизируя толпу, умоляли бога о ниспослании дождя. Правда, заклинания богов отошли в прошлое, но ведь до сих пор «облачка», «тучки», «мятели» воспринимаются советским поэтом чем-то вроде строй-материалов для его стихов.

Профессор Визе думает, что очень мало знают о погоде и следует знать больше.

Этот большой советский ученый, этот воитель со стихиями не желает примириться со старинным человеческим

бессилием перед... солнцем, которому, предположим, ближайшим летом вздумается сжечь хлебные поля «Гиганта»... В самом деле, что делать тогда?

Или другое. В пору цветения крымских садов, или Батумских чайных плантаций, или мандариновых рощ на Черном море, или Ферганских хлопковых полей, накатится с высокого севера жгучая морозная волна, и все повянет. Ни Батумские плантации, ни мандариновые рощи, ни крымские сады, ни Ферганские хлопковые поля не отдадут стране урожая... Что делать?

Профессор отвечает: «погода наших широт выделывается на севере, и Арктика — одна из самых важных «фабрик погоды».

Конечно, наука пока не в состоянии заменить мороз — теплом и солнечный зной — дождевыми тучами. Но наука в состоянии знать наперед, какая погода будет в те весенние недели, когда механические сеялки «Гиганта» опустят зерно во вспаханную землю; наука в состоянии знать наперед, налетит или не налетит страшный суховей во время цветения пшеничных полей Украины и Северного Кавказа; наука в состоянии рассказать наперед про все капризы солнца, дождя и ветра в дни уборки хлебов. Вообразите же перспективу: мощная социалистическая агроиндустрия, во время предупрежденная из глубин Арктики, успевает вооружиться до зубов и отразить любое нападение погоды.

«Арктика — одна из самых важных «фабрик погоды»... Но для того, чтобы знать «производственные методы» важной для нас «фабрики», необходимо изучить самую фабрику.

Вот почему профессор Визе, Владимир Юльевич, океанограф и метеоролог, ученый с мировым именем — «страстный арктик». Вместе со Шмидтом и Ворониным профессор Визе возглавил экспедиции на Землю Франца-Иосифа в 1929 г. и на Северную землю в 1930 г. Профессор Визе является третьим директором Арктического института. Почти ежегодно он отправляется с различными экспедициями Института в глубины Арктики.

И, надо сказать, «Арктическое хозяйство» раскрывает перед ним свои тайны охотнее, чем перед кем другим.

На севере Карского моря, на полпути между архипелагом Франца-Иосифа и Северной землей, есть небольшой остров, который носит имя Визе. По официальному арктическому календарю открытие острова относится к 1930 г. (экспедиция Шмидта к Северной земле), но по строгому календарю науки открытие следует отнести еще к 1924 г. В 1924 г., изучая в своем ленинградском кабинете дрейф «Святой Анны» (экспедиция Брусилова, трагически погибшая), профессор Визе пришел к заключению, что в стороне от черты дрейфа должно находиться какое-то препятствие в виде неизвестной земли. Профессор с точностью вычислил местонахождение предполагаемой земли и поселил ее на географической карте под знаком вопроса. И вот через шесть лет, находясь на борту «Георгия Седова», профессор собственными глазами увидел «вымышленный наукой» остров. На «Седове» тогда был праздник, замечательный праздник советской науки. К сожалению, «поместье» профессора Визе оказалось на редкость унылым островом.

Когда «Сибиряков» вторично потерял лопасти винта и грозные и неизвестные течения Чукотского моря потащили его к северу, профессор Визе явно обрадовался. Я видел, как однажды вошел профессор в кают-кампанию, сладострастно потирая свои небольшие руки, и на лице его было написано: «наконец-то неизвестные течения Чукотского моря станут известными»... Он не замечал кругом себя наших озабоченных лиц.

На «Сибирякове» — отличный верховный штаб: профессор Визе, Владимир Юльевич, океанограф и метеоролог, ученый с мировым именем; моряк Воронин, Владимир Иванович, лучший ледовой капитан на советском европейском севере; и профессор Шмидт, Отто Юльевяч, партиец с восемнадцатого года, выразитель железной воли партии. Сибиряковцы любили, уважали и доверяли этим трем людям.

ПОМОЩНИКИ ВОЖДЕЙ

Ваня

В июне 1932 г. в Арктическом институте достигла своего апогея напряженная деятельность по подготовке и отправке полярных экспедиций, значившихся в плане 1932 г. Одновременно снаряжалось и подготовлялось к отправке пять экспедиций, в числе пяти — такая, как экспедиция на «Сибирякове».

Снарядить хорошо полярную экспедицию—трудное дело, оно требует беспримерной внимательности и, сказал бы я, беспримерной точности психики работника, приставленного к этому делу. Даже небогатая, но внимательно снаряженная полярная экспедиция обязана иметь в запасе все, что может человеку понадобиться при... построении небольшого нового мира. К примеру сказать, для полярной экспедиции требуется — кроме кожаных курток, паюсной икры, перочинных ножей, ветчины, взрывчатых веществ, малиц, белья, оружия, канцелярских принадлежностей, научных приборов, пим, совиков, топоров, спичек, фото - принадлежностей — еще тысяча непредвиденных вещей. Забыть в числе этой тысячи, например, про иголки— значит там, в Арктике, на месте работ экспедиции, поставить под угрозу человеческие жизни. (В истории полярных исследований такие примеры бывали, и именно — с иголками). Или, например, недосмотреть с обувью? Запасенная обувь, скажем, окажется на два номера меньше размером, чем требуется большинству участников экспедиции... Каким чудовищным препятствием обернется подобная «мелочь»?! К гибели людей, к срыву задания, к прорыву в общем плане может повести такая «мелочь».

Недаром полярные классики: Нансен, Амундсен, Норденшельд—подготовляли каждую из своих экспедиций долгими месяцами, а подчас и годами. Берд три года подготовлял двенадцатидневный полет на южный полюс. Именно внимательная и точная работа по подготовке своих изумительных экспедиций обеспечила успех полярных классиков и бессмертие их имен.

Так вот, в июне 1932 г. в Арктическом институте снаряжалось и подготовлялось к отправке не одна, а сразу пять полярных экспедиций, и в числе их — такая, как экспедиция на «Сибирякове»... Сразу пять!

Всей хозяйственной работой по снаряжению и снабжению пяти экспедиций, — работой не столь грандиозной, так сказать, по кубатуре, сколько по числу входящих в нее мелочей, — заведывал молодой человек, комсомолец с 1918 г., некогда матрос и участник ликвидации Кронштадтского мятежа, а ныне партиец и страстный полярник Копусов, Иван Александрович, проще—Ваня Копусов, а еще проще — Ваня. Он был в Институте чем-то вроде мотора, который давал движение хозяйственно-снабженческому колесу. В продолжение июня и половины июля Ваня «фукцировал» с такой энергией, что щеки его вваливались на моих глазах, а пальцы сухих нервных рук начинали неудержимо дрожать. В институт Ваня являлся постоянно непричесанным, из карманов его пиджака постоянно торчали телеграммы — из Москвы, Архангельска, Берлина, Сухума. Через час после появления в институте он мчался в Ленсовет и Обком; возвратившись оттуда, он рассылал агентов в разнообразные учреждения ленснабовского типа. Иногда в Ленинграде было нечего взять, и тогда агенты устремлялись в глубину Союза: в Абхазию за табаком и вином, БССР — за овощами.

У Вани трезвая голова и страстное сердце. Эти два качества, соединяясь в коммунисте, дают в результате третье, именуемое «большевистским напором».

«Большевистский напор» не мешает Ване ясно видеть наиболее экономные пути, ведущие к цели. Весною 1932 г. в дирекции Арктического института обсуждался

вопрос: один или два ледокола потребуется, чтобы успеть в течение навигации достигнуть мыса Челюскина, успеть на мысе построить научную станцию и, кроме того, успеть пройти вес путь Архангельск — Берингов пролив. И профессор Визе и профессор Шмидт высказались в том духе, что достаточно одного ледокола. Ваня категорически потребовал двух, и практика похода «Сибирякова» и «Русанова» показала, что Ваня был прав.

Ваня вложил много сил и настойчивости для успешного завершения экспедиции. Лучше всего говорит об этом характеристика Вани, направленная во ВЦИК перед награждением орденом Трудового красного знамени.

«Копусов И. А. — заместитель начальника экспедиции по административно-хозяйственной части. Член ВКП(б). Имеет громадные заслуги в сложном деле подготовки экспедиции, которая лежала главным образом на нем.

Во время экспедиции был членом бюро ячейки ВКП(б) (заворг). Был правой рукой начальника экспедиции во время трудного похода. Проявил исключительную большевистскую твердость, выдержанность и настойчивость. Блестяще руководил политической работой на корабле и лично дал лучший образец работы в качестве ударника во время аврала».

Хлебников Ю. К.

Экспедиция обязана иметь в запасе все, что может человеку понадобиться при... построении небольшого нового мира — это было задачей Вани Копусова.

Но вот задача эта выполнена. Невообразимо разнородные и многочисленные вещи собраны на складах всех республик, входящих в Советский союз; упакованы в тюки, ящики, бочки, обезличены, выражены в невыразительных пудах и тоннах, записаны в железнодорожные накладные и отправлены тысячекилометровыми путями в Архангельск. Вот прибыли в Архангельск и вписаны в беспорядке в пакгаузы знаменитой Красной пристани, откуда отправляется в Арктику большинство советских полярных экспедиций.

В скорости у Красной пристани ошвартовывается отремонтированный «Сибиряков», и начинается первая и срочная *погрузка*, для которой, как всегда, недостаточно существующего числа часов в сутках.

И с этого момента истинным хозяином и шефом непрерывной реки ящиков, кулей, бочек, тюков, льющейся из пакгаузов Красной пристани в трюмы «Сибирякова», стал Хлебников, Ю. К., старший штурман на «Сибирякове», первый помощник нашего капитана. Немалое искусство рационализатора, вдохновенная сообразительность, колоссальная память и способность к бессоннице необходимы товарищу, которому поручена погрузка судна, отправляющегося в полярную экспедицию. Всеми перечисленными качествами Хлебников обладает в изобилии.

Старший штурман на судне — нечто вроде техдиректора на предприятии.

Если вы хотите научиться, как хорошо и быстро делать любую работу, — ступайте к Хлебникову, Юрию Константиновичу, на выучку. Она научит вас. А кроме того, он научит вас драгоценной способности находить работу у себя под ногами, кругом себя и всюду, где прежде вы ее не замечали.

Если еще сказать, что он умный, тонкий, культурный, иронический человек, — главное о Хлебникове все же не будет сказано; по-моему, самое важное в нашем старшем штурмане то, что он похож на копилку или даже на музей: столько он сочетал и хранит в себе разнообразных практических «умений». По-моему, Хлебников «умеет делать все». Моряк он превосходный.

Адаев Н. А.

МАТРОС, ШТУРМАН, СЕКРЕТАРЬ ЯЧЕЙКИ

На «Сибирякове» он числится матросом второго класса. Но он не матрос, а штурман дальнего плавания и, кроме того, архангельский партийный работник

и редактор газеты архангельских моряков. Но, повторяю, он числится на «Сибирякове» матросом второго класса.

Этот рассказ о превращении штурмана дальнего плавания в обычного матроса, притом второго класса — рассказ о коммунисте, об отношении коммуниста к задаче, поставленной перед «Сибиряковым» партией и правительством.

Штурман дальнего плавания Адаев, Н. А., учился на капитана дальнего плавания и почти уже кончал учебу. Ему оставалось пройти только практический стаж, то есть проплавать шесть месяцев на одном из судов северного морского флота, — и Адаев — капитан.

Быть капитаном дальнего плавания — мечта моряка. Но перед Адаевым общую мечту неожиданно заслонила колоссальная тень «Сибирякова». «Сибирякову» партией и правительством было доверено такое небывалое задание, что при мысли о нем билось сильнее сердце и не спалось ночами. Как же коммунисту и моряку, притом моряку северных морей, не пожелать стать участником столь исключительной экспедиции!

Адаев бросился хлопотать по всему фронту, но его не отпускали ни архангельская партийная организация ни редакция газеты: он был нужен на месте, где работал. Он сумел вырваться буквально в последние дни перед уходом «Сибирякова» из Архангельска.

И, когда Адаев явился на «Сибирякова» и предложил свои знания штурмана, они оказались ненужны. Места штурманов и даже матросов первого класса были заняты давно.

Но отказаться от участия в экспедиции было свыше сил Адаева. Манили не только неизвестные моря, лежавшие на пути «Сибирякова». Еще больше манила возможность вложить личные силы и знания в задачу, которая на четыре столетия уходила в досоциалистическое прошлое и в то же время имела чудесную перспективу в будущее. Подумать только: четыре столетия буржуазной культуры и техники отступили перед задачей! И вот сегодня она, вековая задача, обернулась очередным делом

советской страны. Выполнение же поручено «Сибирякову». Как коммунисту и моряку северных морей не пожелать стать «сибиряковцем»!

Штурман дальнего плавания Адаев, Н. А., стал на «Сибирякове» матросом второго класса. Матроса второго класса, Адаева, Н. А., партийная организация «Сибирякова» избрала своим секретарем.

5

СОСТАВ ЭКСПЕДИЦИИ

Нас на «Сибирякове» — семьдесят. Половина из нас — команда «Сибирякова», другая половина — собственно экспедиция. Почти все сибиряковцы награждены орденом Трудового красного знамени. Их имена следует знать.

Вот список команды:

А. Е. Сакс, второй штурман,
М. Г. Марков, третий штурман,
М. М. Матвеев, старший механик,
Г. С. Корытов, второй механик,
П. С. Долинин, третий механик,
Е. Н. Гиршевич, радист,
Л. А. Загорский, боцман,

Г. И. Дурасов, матрос первого класса (человек в три лошадиные силы),

И. К. Сизых, матрос первого класса (талантливый матрос, по своим морским талантам — сродни нашему капитану, любимец капитана),

Я. В. Сергеев, матрос первого класса,
Н. И. Адаев, матрос второго класса,
Г. В. Голубин, матрос второго класса,
В. П. Шузанков, матрос второго класса,
В. Ф. Бармин, старший машинист,
К. И. Крючков, машинист первого класса,
А. В. Колтаков, машинист второго класса,
П. Ф. Макаров, машинист второго класса,
И. С. Бутаков, кочегар первого класса,

А. Н. Агафонов, кочегар первого класса,
В. И. Буров, кочегар первого класса,
В. И. Громов, кочегар первого класса,
Г. М. Московский, кочегар первого класса,
Б. Ф. Оводов, кочегар первого класса,
Е. Л. Марков, кочегар второго класса,
С. А. Пономарев, кочегар второго класса,
П. П. Александров, повар,
Б. А. Кукушкин, помощник повара,
Г. С. Баранов, буфетчик,
А. Е. Лесков, буфетчик,
М. М. Данилкин, производственник и общественный работник.

В команде «Сибирякова» много бывших «седовцев». Наш капитан ранее плавал на «Георгии Седове», и, когда он переходил на «Сибирякова», вслед за ним перешли многие, не желая расставаться с своим капитаном.

В команде преобладают молодые лица, широкие груди, крепкие руки. Комсомольцев — девять человек, партийцев — семь. Большинство матросов, подобно своему капитану, коренные северяне, поморы, знакомые с детства с суровыми северными морями. Впрочем, есть и из других краев, как, например, т. Крючков, председатель нашего судового комитета: он — из ленинградских рабочих.

«Собственно экспедиция» представляет собою гораздо более сложное образование. Это — конгломерат трех различных групп. Первое место, естественно, принадлежит группе научных работников. Их десять человек, считая и главу группы, проф. Визе:

В. Ю. Визе, профессор, океанограф и метеоролог;

Л. О. Ретовский, гидробиолог; один из видных научных работников Арктического института, специалист по планктону; острословы на «Сибирякове» уверяли, что личностью своею т. Ретовский сам смахивает на планктон;

П. П. Ширшов, гидробиолог-ботаник; молодой талантливый ученый, имеющий, несмотря на молодость, научные труды; грозится, что за время рейса обучит каждого сибиряковца... боксу;

А. Ф. Лактионов, гидролог; серьезный ученый, самостоятельно проводил научные полярные экспедиции, не любит газетных корреспондентов, пишущих книги о полярных экспедициях;

В. П. Брунс, химик, не принадлежит к постоянному составу научных работников Арктического института; во время первого же аврала на о. Диксон стал нашей «красой и гордостью», нашим лучшим ударником; во время катастрофической второй аварии однажды спросил меня: чем марксизм может быть полезен химии?

И. Л. Русинова, магнитолог; единственная женщина — научная работница на судне, опытная полярница, не раз бывала в зимовках;

Я. Я. Гаккель, географ-картограф; работник Арктического института; молод, толстоват, говорят, красив и спокоен, как идол; по кают-компании или по палубе расхаживает — точно в собственном кабинете в Ленинграде; впоследствии разделил с химиком Брунсом славу лучшего ударника среди нас;

В. И. Влодавец, геолог; серьезный ученый; его имя прочно связано с открытием хибинских апатитов; на «Сибирякове» про Влодавца с гордостью говорят: «Наш Влодавец подарил стране миллиард»;

Л. С. Белопольский, зоолог, специалист по морскому зверю и пушным промыслам; считает себя охотником, но мы считаем его «охотоведом»; долго работал на Чукотском полуострове и теперь поражает наше воображение охотничьими рассказами про Чукотку, в которых неизменно он сам выступает героем; в продолжение всего пути, покамест мы не приблизились к обетованной Чукотке, удивительно скупо выдавал порох и дробь для «частных ружей»; совсем юный человек;

В. П. Дмитриев, гидролог, прикомандирован к экспедиции от УВМС РККА.

«Сибиряков» еще не успел покинуть Архангельска, а группа уже подготовила все необходимое для своей работы. Разобраны ящики с научным оборудованием, приборами, аппаратами, химической посудой; оборудованы три лабора-

тории: гидрохимическая, гидрофизическая, гидробиологическая. Тотчас по выходе в Баренцево море начались научные вахты, включившие в себя: метеорологические и аэрологические наблюдения, определение морских глубин, изучение фауны морского дна и поверхностных слоев моря, изучение химических и физических свойств воды.

Научные наблюдения, производимые в полярных экспедициях, должны вестись регулярно и непрерывно в продолжение всего пути. Это закон. В высокой степени закон этот властвует на «Сибирякове». В бурю, в шторм, во льдах, — в любую погоду, в любых условиях, — сибиряковец, научный сотрудник, когда приходит час его вахты, оставляет теплую каюту, выходит на палубу и делает свое дело.

Объем научной работы очень велик. Метеорологические сводки, например, составляются каждые четыре часа. Итого — шесть раз в сутки. И так будет продолжаться, покамест «Сибиряков» не покинет неизвестных науке морей. Ежедневно т. Русинова будет заносить результаты сводок в особый журнал.

Через каждые десять миль, то есть ежечасно, производятся промеры проходимых морских глубин. Это очень важное звено в общей научной работе.

Ежечасные промеры, когда они будут произведены на протяжении шести полярных морей, дадут в итоге точную глубинную карту Северного морского пути.

Не мало работы и гидробиологам. Л. О. Ретовский возглавляет работу по «уловлению» (при помощи особых сеток) планктона. *Планктон* — это многообразные микроорганизмы, живущие в поверхностных слоях моря. Природа возложила на них обязанность служить основной пищей для многих высших организмов, имеющих для человека промысловое значение. Отсюда понятно, что, извлекая из моря те или иные виды планктона, можно заранее судить, какие высшие организмы существуют в этом море. Если вспомнить, что в морях бр. Лаптевых и Восточно-Сибирском гидрологи бывали не часто, можно заранее судить, какой увлекательный простор открывается для работы гидробиологов на «Сибирякове».

Вахты гидробиологов установлены через каждые четыре часа. Пропусков быть не может.

О жизни в море, о самом море человек знает значительно меньше, чем о жизни на суше и о самой суше. Но море, в сущности, основное владение человека. Площадь морей во много раз превосходит площадь суши. И все же человек как бы «опоздал» с морем. «Океановедение» — совсем молодая наука.

Могучая жизнь в глубинах океанов, сегодня еще скрытая от человека, предстанет, как откровение, взору завтрашней науки. Исследованные, изученные, покоренные глубины моря станут источником столь мощных материальных и, вероятно, энергетических ресурсов, какие трудно сейчас предвидеть при самом пылком воображении.

Океановедение молодо, но общий контур жизни в глубинах вод уже нарисован гидробиологом. Биологическая структура жизни в море напоминает социальную структуру жизни в капиталистическом небоскребе. Определенным видам и классам морских организмов свойственны определенные «этажи» в глубине морских вод, как свойственны определенные этажи в глубине небоскреба людям различных социальных подразделений. «Биологические дороги» между отдельными морями пролегли также «по этажам».

В биологических дорогах мирового океана есть свои исключения. Гигантские морские течения, пробегая десятки морей, часто спускаются и поднимаются из одного «этажа» в другой и губят при этом формы жизни, свойственные данному «этажу», и рождают формы новые. В горле нашего Белого моря, где морскими течениями спутаны все «этажи», можно выловить «породы», живущие и в Тихом океане и в Балтийском море.

Темны совсем течения, пронизывающие глухие арктические моря. Дрейф нансеновского «Фрама» через весь полярный бассейн явился крупнейшим открытием. Дрейф «Сибирякова» в Чукотском море (сложный дрейф, зависевший от двух противоположных течений) также дал очень ценные научные результаты. Недаром проф. Визе, забыв о том, что «Сибирякова» уносит в неизвестность,

радостно потирал свои небольшие сухие руки. Неизвестные течения Чукотского моря стали ему известными.

Но этот драматический момент в Чукотском море так и остался отдельным, неповторимым моментом. Обычно дело обстояло много проще. «Сибиряков» останавливался в данном пункте моря, и наши гидрологи, измерив температуру морской воды на определенных глубинах, брали пробы воды. Взятые пробы подвергались в лабораториях анализу; а анализ рассказывал нашим ученым о химических и физических свойствах испытуемой воды. Знать же химические и физические свойства испытуемой воды — все равно, что знать ее происхождение, то есть откуда она пришла в данный пункт моря, или, вернее, каким течением принесена.

В ходу на «Сибирякове» и более кустарные способы изучения морских течений. В нашем твиндеке грудой навалены огромные полые деревянные яйца. Эти яйца в заранее намеченных пунктах будут выброшены в море. В яйцо будет вложена записка с указанием географической точки, где оно выброшено. Через год, два, три... десять лет яйцо будет найдено в каких-то других морях. Путь, им пройденный, прибавит что-нибудь к нашему знанию о морских течениях.

Разнообразной научной работы очень много, а работников мало: десять человек, вместе с главою их. Все десять преданы делу, но им трудно управиться с обязательными многочисленными научными вахтами, и они обратились с просьбой помочь им. На «зов науки» откликнулись многие, но по преимуществу те из товарищей, которые «науку» воображают, так сказать, романтически. Впрочем, товарищи отлично справляются со своими «научными задачами», и лучше других — художник экспедиции комсомолец Федя Решетников, у которого на груди постоянно блещет значок: «Готов к труду и обороне».

Географ-картограф Гаккель, Яков Яковлевич, утвердил на стене в кают-кампании карту пути «Сибирякова». Жирная красная линия, начинаясь от Архангельска, будет увеличиваться изо дня в день, пока не упрется в Тихий

Океан. Постоянно перед этой картой нечто вроде летучего клуба. Часто слышатся страстные дискуссии.

В группе научных работников нет ни одного коммуниста.

Вторая группа, входящая в конгломерат, в сущности не составляет собою группы как таковой. Это одиночки, различные специалисты, необходимые в любой полярной экспедиции. Подбору этих людей Шмидт уделил особое внимание:

П. Г. Малашенко, заведующий хозяйством экспедиции, коммунист и красный партизан;

Э. Т. Кренкель, радист экспедиции, один из лучших радистов в Советском союзе, за ним числится мировой рекорд дальности связи на коротких волнах (почти от полюса до полюса); на «Сибирякове» — общий любимец;

Л. Ф. Лимчер, врач экспедиции, наш постоянный бригадир во время авральных работ; врач Лимчер своим поведением на судне показал нам высокий образ советского бригадира и в то же время врач Лимчер наружностью своей воскрешал в нашей памяти образ врачей из романов Жюль-Верна;

Б. Ю. Маллер, инженер-подрывник; на наречии сибиряковцев именовался «товарищ Динамит», а иногда «товарищ Пироксилин»; во время экспедиции подал заявление о приеме в партию; Маллер в прошлом был членом партии, но выбыл по религиозным воззрениям; во время экспедиции он удостоверился в отсутствии бога и подал о сем соответствующее заявление в бюро коллектива; Маллер — постоянный объект нашего жестокого остроумия;

А. Г. Шишкин, штурманский электрик; прикомандирован от УВМС РККА; на наречии сибиряковцев именуется «Марат».

П. К. Новицкий, штатный фотограф экспедиции, хронический фотограф многих полярных экспедиций и автор интересных полярных фильм; о себе самом говорит с удовлетворением: «я — глаза и уши миллионов»; он также постоянный объект нашего жестокого остроумия;

И. А. Чочба, специалист-охотник экспедиций, по происхождению — абхазец; никогда не видел белого медведя и

грезил о встрече с ним, покамест корабль не обогнул Северную землю; встретившись у Северной земли с долгожданным зверем, ударил его шестом по морде несколько раз и навсегда разочаровался, найдя, что кавказский медведь — зверь более сообразительный, в смысле самозащиты; из винтовки стреляет уток в лет без промаха;

И. Г. Игнатьев, авиа-механик, славный участник гражданской войны, за подвиги на фронте представлен к ордену Боевого красного знамени и, кроме того, награжден серебряными часами; за подвиги на «Сибирякове» представлен к ордену Трудового красного знамени; в пути обнаружил истинную страсть к машинам, даже к тем, которые к авиа-технике не имеют никакого отношения; собственным молоком, то есть пайковым молоком, вскормил медвеженка, затем подаренного японскому императору.

С нами были еще два товарища: моторист *Денисов* и конструктор по аэро-саням *Потехин.* Эти два товарища выбыли во время пути по разным причинам: моторист Денисов остался добровольно на зимовку в бухте Тикси, а конструктор Потехин списан на берег на острове Диксон по распоряжению Шмидта за проявление недисциплинированности.

...И третья группа.

Входящие в третью группу наиболее ярко олицетворяют понятие «группы». Все связаны самыми тесными отношениями. Группу составляют корреспонденты, литераторы, художники, кино-работники. Группа окрестила себя «травоядными».

Травоядные довольно многочисленны: восемь человек. Мне сначала казалось, что обилие травоядных — излишний накладной расход для экспедиции, но скоро я понял, что ошибался. «Сибиряков» еще стоял под нагрузкой в Архангельске, а травоядные уже развили бурную и разностороннюю деятельность. В числе прочих плодов этой деятельности появился на свет первый номер «Ледовитого Крокодила».

Травоядные оказались чрезвычайно общительными. В кратчайший срок сблизились они с одинаковой лег-

костью как с матросами в их кубриках, так и с научными работниками в их лабораториях. Кроме того, большинство из травоядных обладает ярко выраженными темпераментами и крепкими голосовыми связками. При наличии таких существенных предпосылок им ничего не стоило ощутить себя хозяевами в нижней кают-компании (для научных работников) и желанными гостями — в верхней (для комсостава).

Мне кажется, что наши травоядные, по своим социально человеческим качествам, отлично приспособлены, чтобы помочь начальнику экспедиции в его важнейшей задаче: сплотить в единый коллектив все население «Сибирякова», от кочегара до первого ученого. Все наши травоядные носят в себе «микроб пафоса», все широко понимают цели экспедиции, верят в ее успех и даже, несколько предупреждая события, именуют заранее нашу экспедицию — исторической. Но самое важное, что партийная и комсомольская прослойка среди травоядных достигает шестидесяти процентов. Это даже больше, чем процент партийцев и комсомольцев в команде. Подбору группы травоядных Шмидт уделил наибольшее внимание.

Наконец, на «Сибирякове» есть еще четыре товарища: так называемые «пассажиры». «Пассажиры» не входят ни в одну из групп.

«Пассажиры» — партия геологов. По просьбе Союзгеологоразведки «Сибиряков» взялся «подвезти» партию до места назначения — Чукотского полуострова. В партии — трое мужчин и одна женщина. Двое — коммунисты.

На время пути «пассажиры» приравнены к участникам экспедиции и в своих правах и в своих обязанностях. Права и обязанности наши можно выразить так:

— От каждого по его способностям, каждому по его потребностям.

Если еще прибавить, что общим делом сибиряковцев явится борьба с природой, то все условия для практической школы коммунизма будут на «Сибирякове» налицо.

И что ж, за время экспедиции вступили в партию восемь сибиряковцев...

КОММУНИСТЫ

Глубокое впечатление на партийцев «Сибирякова» произвело первое на «Сибирякове» партийное собрание.

Первое партийное собрание происходило в каюте Шмидта. Явились все до одного пятнадцать коммунистов, входившие в состав экспедиции. Собравшись воедино, еще мало знакомые между собою, мы оглянули друг друга и увидели: какие все пятнадцать разные. Среди нас профессор математики, литераторы, кочегары, корреспонденты, судовые механики, художники, матросы, кино-режиссер, хозяйственники. И в то же время какие все пятнадцать одинаковые. Мы все говорим на одном языке — языке нашей партии.

Настроение сразу создалось подтянутое, строгое и даже чуть торжественное. На лицах читалось: «Нас только пятнадцать из семидесяти, но мы, пятнадцать, больше других отвечаем за исход экспедиции. Мы, пятнадцать, должны остаться сплоченными в любую трудную минуту».

Должны?.. При этом слове невольно припоминались чувства и мысли, толкнувшие в свое время на палубу «Сибирякова». Вряд ли будут когда-нибудь забыты эти чувства и мысли. Но, взглянув на лица вокруг, становилось вдруг ясно: те же самые мысли и чувства привели на палубу «Сибирякова» и остальных четырнадцать.

На повестке стояло два вопроса:

1. О задачах судового коллектива во время плавания.
2. Выборы бюро.

Первым выступил Шмидт. И первое, о чем Шмидт заговорил, — о «дисциплине в рядах сибиряковцев». Дисциплина должна быть — железная. Железная дисциплина — первое условие успеха советской полярной экспедиции.

С вопросом о дисциплине неразрывно связан вопрос об единоначалии. Мы, пятнадцать, должны поставить своей партийной задачей: обеспечить на «Сибирякове» абсолютное единоначалие. Для этого у нас есть достаточные средства — наш коммунистический авторитет. Мы должны внедрить в каждого участника экспедиции, от матроса до первого ученого, сознание необходимости социалистического единоначалия.

— Но вы, товарищи, понимаете, — говорил далее Шмидт, — что первый ученый и матрос — люди разные. Что же отсюда следует? Отсюда следует, что наша партийная организация должна повести свою работу так, чтобы семьдесят сибиряковцев ощутили себя сплоченным коллективом. Как этого достигнуть? Достигнуть можно. Нужно только, чтобы ученый гидролог в лаборатории и кочегар у топки объединили свои мысли, желания и стремления вокруг той цели, которую поставили перед «Сибиряковым» партия и правительство... Возьмемся же за эту работу, товарищи.

— Есть, Отто Юльевич!.. Есть!.. Есть!..

Шмидт продолжал. Он попросил нас вообразить на мгновение, что «Сибиряков» будет зажат льдами. Это значит — у каждого сибиряковца образуется пустое, ничем не наполненное время. Нельзя этого допустить. Безделье в условиях советской полярной экспедиции — гибель. Партийная наша задача — наполнить пустое время беспартийного товарища, превратить пустую минуту беспартийного товарища в минуту производящую, в минуту, которая что-нибудь прибавит беспартийному товарищу. Эта работа в своем результате поведет к повышению квалификации каждого из сибиряковцев. Соцсоревнование и ударничество отлично помогут нам в этой работе.

— А разве не наша, не партийная задача — позаботиться, чтобы семьдесят человек, попав в пустое место нашей

планеты, не почувствовали бы себя оторванными от социалистической страны, от нашего строительства?... Конечно, наша! Что нужно для того, чтобы мы ее выполнили?..

Так говорил Шмидт. В каюте было тесно для пятнадцати человек. Многим досталось место на пороге каюты. Товарищи уселись на пороге в ряд, прижавшись плечами, точно большие птицы. Другие устроились на корточках, по углам каюты. Третьи обступили стол, занимавший центральное пространство каюты. Сначала внимательно слушали вождя экспедиции, а потом заговорили сами. Высказались все: матросы, хозяйственники, механики, кочегары, травоядные. С первых же слов «железную» дисциплину переименовали в «социалистическую». Кроме того, каждый обещал: прежде, чем приступить к работе, «проверить самого себя».

Много было сказано и такого, чего не содержалось в речи начальника экспедиции. Например, тут же наметили конкретно формы и методы партийной работы. Тут же решили организовать комиссии: культурно-бытовую, санитарную и другие. Эти комиссии, по нашему предположению, должны были стать как бы скелетом общественной жизни на «Сибирякове», который будет скреплять и поддерживать весь уклад ее. Если мы сумеем добиться, что комиссии будут хорошо работать, они несомненно облегчат задачу партийной и профсоюзной организации на «Сибирякове». Следовательно, дельных товарищей в эти комиссии! Хорошо бы беспартийных и, главное, научных работников вовлечь туда!..

С неменьшей страстностью мы заговорили о самообразовательной работе, об общественном контроле над расходованием продуктов, о десятке других вопросов. Машинист Макаров поднял вопросы производственного порядка: о бригадном методе работы, об экономии угля, о прикреплении к механизмам, о паспортизации механизмов и другие.

К моменту первого партийного собрания травоядные уже выпускали два издания: «Ледовитый Крокодил» (сатира и юмор) и стенную газету. На собрании было решено превратить стенную газету травоядных в орган партийной

и профсоюзной организации. В условиях полярной экспедиции, то есть в условиях некоторой изоляции, стенная газета становится особо острым оружием... Внимание к нашей газете, товарищи! Напряженное внимание!!

Матрос Адаев поднял вопрос о вовлечении в партию беспартийных сибиряковцев. За время плавания несомненно выявится ряд товарищей, которых будет можно и должно вовлечь в партию. Внимание и к этому вопросу, дорогие товарищи!

До мыса Челюскина «Сибиряков» пойдет вместе с ледоколом «Русанов». Отсюда следует — «Вызовем русановцев на соцсоревнование». Давайте организуем штаб соревнования и штаб ударников. Поручим штабу разработать соцдоговор. Соцдоговор по радио передадим на «Русанова».

И пусть первой поверкой нашей работы будет предстоящий аврал по погрузке угля на острове Диксон. Своевременно подготовиться к авралу!

...В заключение выбрали бюро. В бюро вошли лучшие товарищи: Ваня Копусов, матрос Адаев и машинист Макаров.

7

ПОХОД

План экспедиции

Первоначальным сроком отплытия было предположено 25 июля. В этот день «Сибиряков» должен был отпракиться из Архангельска, имея на борту самолет, в сопровождении ледокола «Русанов».

По разным причинам предположения наши не оправдались. Отплыли мы на три дня позже срока, и отплыли в одиночку, оставив «Русанова» догружаться в Архангельске, и отплыли не имея самолета, у которого сгорел в воздухе мотор, на пути из Москвы в Архангельск..

28 июля около 14 часов дня закончился торжественный прощальный митинг на Красной пристани. Под звуки «Интернационала», в сплошном гуле напутствий архангельских рабочих, капитан Воронин отдал команду, и послушный «Сибиряков», сделав круг на реке, направился вниз, к морю — в свой необычайный путь.

Вчера, путешествуя по Архангельску, я забрел на базар купить стакан молока и булку. Краснощекая архангельская бабушка, узнав, что я с «Сибирякова», уговорила принять от нее в подарок вторую порцию молока и булок. В магазине «Динамо», где я покупал дорожное зеркало и меховые перчатки, я уплатил в кассу, минуя всякую очередь.

Архангельские советские и партийные организации сделали для «Сибирякова» все, что было в их средствах и силах, а кое-что даже выше средств. Из собственных скудных ресурсов безотказно они пополняли нехватки нашего снабжения. Целую неделю, пока мы находились

в Архангельске, архангельская печать жила почти исключительно интересами нашей экспедиции. Каждая страница архангельских газет для нас была настоящей большевистской зарядкой. Рабочие архангельского судоремонтного завода «Красная кузница» провели срочный ремонт «Сибирякова» в высоких ударных темпах.

Привет Архангельску!
Прощай, Архангельск!

Утром мы шли горлом Белого моря — этими настоящими воротами в советскую Арктику. С левого борта открывался пустынный Мурманский берег: линия скал, разрушающихся от времени, и белеющий узор прибоя. Уходили на север, сливаясь, пустыня моря и пустыня неба. Навстречу нам шел английский купец за советским лесом.

Вот отсюда и будет начинаться великий советский путь к Тихому океану.

Пути еще нет, его нужно проложить. «Сибиряков» пойдет ощупью, ставя первые вехи, изучая препятствия, намечая возможности. Но «Сибиряков» справится с порученной ему работой. Вчера, на прощальном митинге, Шмидт заключил речь словами:

— Партия и правительство возложили на нас задачу проложить морской транспортный путь из Белого моря в Тихий океан, связать запад нашего Союза с его востоком... Дорогие товарищи, вы видите сами, задача трудна; но позвольте принести вам клятвенное обещание от лица всех сибиряковцев: мы выполним приказ партии и правительства!..

Оперативный план делит весь путь на три отрезка, различные по степени трудности:

Архангельск — Диксон,
Диксон — устье Лены,
Устье Лены — Берингов пролив.

Последний отрезок в свою очередь распадается на два участка:

Устье Лены — Колыма,
Колыма — Берингов пролив.

Первый отрезок совпадает с обычным путем Карских экспедиций. Эту часть Северного морского пути можно считать уже освоенной, и для «Сибирякова» трудностей она не представит. По плану мы должны прибыть к Диксону не позднее 5 августа, т. е. через неделю после выхода из Архангельска.

У Диксона должен нас ожидать норвежский пароход «Вагланд», с грузом угля для «Сибирякова» и «Русанова».

«Вагланд» идет в составе Карской экспедиции. По имеющимся у нас «радио-сведениям», Карская экспедиция уже вышла из Мурманска. Экспедицию ведет «Ленин». «Ленин» — один из лучших наших ледоколов, он гораздо более мощный, чем «Сибиряков». Кстати заметить, «Сибиряков» вовсе не ледокол, а грузовое судно ледокольного типа.

Мы дождемся на Диксоне нашего самолета, на котором к тому времени будет поставлен новый мотор, и дождемся «Русанова», который отстал от нас всего на сутки, а затем, погрузив с «Вагланда» уголь, мы во всеоружии отправимся в дальнейший путь. Срок отбытия намечен на 7—8 августа.

По предположению нашего руководства, на втором отрезке ожидают «Сибирякова» наибольшие трудности. Особенные трудности предполагаются у мыса Челюскина.

Наша задача еще больше осложняется необходимостью посетить Северную землю и сменить находящихся там зимовщиков.

Достичь Северной земли предполагается к 15 августа. Это 15 августа — последняя более или менее точная дата в нашем плане. К востоку от Северной земли мы вступим в глухие, «нераспечатанные» моря. Мы не можем заранее сказать, какие препятствия мы встретим там.

Поэтому дальнейший маршрут «Сибирякова» остается неясным. Существуют два варианта маршрута.

Первый вариант: «Сибиряков» придерживается пути предшественников: Норденшельда, Вилькицкого и Амундсена, то есть из моря Карского в море Лаптевых «Сибиряков» проникает через пролив Вилькицкого, обогнув мыс Челюскина. Далее, к устью Лены, «Сибиряков» будет продви-

ться, идя вдоль побережья. «Русанов», сопровождающий «Сибирякова», дойдет только до мыса Челюскина. Он имеет самостоятельное задание: построить на Челюскине научную станцию и вернуться в Архангельск в течение одной навигации.

Второй вариант основывается на гадательном предположении о том, что между морем Карским и морем Лаптевых существуют, кроме пролива Вилькицкого, и другие дороги, в виде неизвестных проливов, разделяющих острова Северной земли. Если предположения подтвердятся, Шмидт несомненно изберет «новую» дорогу.

Зайдет ли «Сибиряков» в устье Лены или, проходя открытым морем, пересечет только траверз Лены,—в обоих случаях мы должны израсходовать на второй отрезок не более 3—4 недель.

На остающуюся часть пути в нашем распоряжении будет целый месяц. Сибиряковцы очень надеются, что сумеют «уложить» в этот месяц последнюю часть пути, от Лены до Берингова пролива. Выйти в Тихий океан не позднее октября — вот единственная железная дата в ориентировочном плане Шмидта! Иначе угрожает зимовка, иначе угрожает срыв задания партии и правительства.

От Архангельска до Дикcона

Двое суток Баренцевым морем, то под холодным дождем, то по крупной волне, то навстречу незаходящему арктическому солнцу. И, наконец, с правого борта, на горизонте, просвечивая сквозь влажную пелену, возникают из свинцового моря черные горы, гравированные снежными пятнами, точно серебром.

Новая земля! Крупнейший из полярных островов СССР.

Новички, не бывавшие на севере далее Мурманска или Архангельска, с волнением и страстью направляют бинокли в смутный горизонт. Они «пожирают» открывшуюся кар-

тину, но пожирают больше при помощи воображения, чем цейсовских стекол. До гор еще далеко. Даже при помощи бинокля нельзя различить истинных очертаний горной цепи. Еще нельзя сказать, одеты ли горы покровом, или голые это камни. Воображению—полный простор. Одному новичку черные горы представляются величественными и живописными, другому—унылыми и пустынными.

Впрочем, черные горы будят страсти в сердцах не только одних новичков. На «Сибирякове» в данный момент возбуждены решительно все. И общее возбуждение походит на возбуждение перед боем.

Дело в том, что с «Ленина» только что получена радиограмма, сообщающая о .....льдах в Карском море. По данным летней разведки, произведенной с «Ленина», полоса льдов, перегораживающая «Ленину» и «Сибирякову» дорогу к Диксону, тянется на восток от Новой земли миль на двести пятьдесят... Льды тяжелые; тяжелые настолько, что «Ленин», гораздо более мощный, чем «Сибиряков», решил отстаиваться в Маточкином шаре (пролив, соединяющий моря Баренцево и Карское), вместе со всей своей заграничной армадой, которую он ведет к Енисею за сибирским лесом.

Лес мог бы спокойно полежать лишнюю неделю-другую на пристанях Игарки в ожидании заграничной армады. Но несчастье в том, что с армадой следует и норвежец «Вагланд», наш угольщик. Если «Вагланд» не прибудет к Диксону в срок — он зарежет «Сибирякова». Не возобновив запасов угля на Диксоне, мы не сможем приступить к форсированию второго, труднейшего участка нашего пути. Сроки в нашем плане — жесткие.

Поэтому на «Сибирякове» общее возбуждение, или, как обмолвились наши острословы, «прилив полярного энтузиазма»; поэтому сибиряковцы с таким нетерпением ожидают Маточкина шара. В Маточкином шаре, в Белужьей губе, должна состояться встреча двух братьев по оружию, ледоколов «Ленина» и «Сибирякова». В Маточном шаре руководство двух экспедиций совместно обсудит вопрос о «Вагланде», которого необходимо протащить сквозь льды как можно быстрее—к сроку!

Но, когда «Сибиряков» вошел в Маточкин шар, очень многие из нас на время забыли даже о «проблеме» «Вагланда». Точно по заказу расступился облачный горизонт, обнажились синие высоты, и яркие лучи солнца осветили изумительный мир. «Сибиряков» плавно скользил по глубокой и прозрачной воде двух морей, находясь в то же время посредине горного, извилистого ущелья. Ущелье и есть Маточкин шар, — этот удивительнейший пролив, соединяющий два полярных моря. По чудесному капризу природы Маточкин шар прорезает Новую землю в ее наиболее гористой части. Протяжение пролива около ста километров, ширина нигде не превышает трех.

Когда «Сибиряков» вступил в это горное ущелье, новичкам показалось: «Сибиряков» вступил не то в храм природы, не то в какой-то заповедник ее. На горах, обступивших «Сибирякова» справа и слева, курились облака, похожие на пену морской волны. От извива к извиву, как кадры необыкновенного фильма, открывался взгляду необыкновенный мир, наполненный необыкновенным светом. Какого цвета эта гора, справа от «Сибирякова»?.. Нет сомнения, оранжевая... да, чудесного оранжевого оттенка... Виноват, гора лиловая... нет, розовая... Да какого же цвета эта гора?!.. Гамма цветов течет, точно гамма звуков в искусном горле.

В Белужьей губе состоялось свидание Шмидта с руководителями Карской экспедиции. С понятным нетерпением мы ожидали результатов свидания. Увы, оно выяснило, что опоздание «Вагланда» неизбежно. Армада заграничных «купцов», которую «Ленин» должен провести через льды Карского моря, представляет собою сборище паршивых, ветхих судов, застрахованных своими владельцами в огромные суммы. Страховка заявлена в прямом расчете на то, что где-нибудь в этом Карском море приличная льдина переломает ребра старой посудины и посудина пойдет на дно, а Советский союз уплатит судовладельцу в валюте очень заманчивый куш. В этих условиях совершенно понятно, почему «Ленин» столь осторожен с проводкой судов через льды. Но осторожность его, на наш взгляд,

даже несколько преувеличена. Капитан Воронин и сам профессор Визе склонны думать, что льды, ожидающие нас к востоку от Маточкина шара, на деле вряд ли окажутся столь тяжелыми, как уверяют нас в этом товарищи с «Ленина».

«Сибиряков» снимается с якоря и покидает Белужью губу. Идем навстречу льдам.

За Белужьей губой Маточкин шар расширяется. В нереальном свете ночного солнца, которое мне кажется шелковым и багровым, в проливе вдруг выстраиваются дымящиеся очертания кораблей. Это заграничная армада «купцов». В одном из них сибиряковцы различают «Вагланда». Суденышко, действительно, паршивое. Говорят, на нем всего девять человек команды. Ну, если действительно девять, то они не смогут управиться с перегрузкой угля на «Сибирякова» и «Русанова» в нужный нам срок. Из девяти человек команды не менее половины, вероятно, составляет комсостав «Вагланда», который при погрузке не будет иметь рабочего значения.

И сибиряковцам, наблюдающим с палубы призрачный силуэт «Вагланда», освещенный нереальным солнцем, становится ясно, что погрузка угля на Диксоне станет делом их собственных рук. Понадобится аврал. Понадобится воля к победе.

«Вагланд» остается за кормой «Сибирякова». С этой минуты «Ваглянд» *опаздывает*. Насколько он опоздает—вопрос остается в нас как заноза. Правда, у нас есть уверенность, что «Вагланд» запоздает не более, как на двое суток,—так обещали Шмидту руководители Карской экспедиции... Но двое суток есть двое суток, и, значит, перед нами встает новая задача: «отыграть» сорок восемь часов. Вероятно, мы отыграем их, хотя отыгрывать придется во время самого трудного перехода: Диксон — устье Лены.

Утром мы вошли в лед. На самой кромке льдов уже встретили белого медведя. Последовавшую «охоту», на мой взгляд, нельзя назвать охотой. Это отвратительный расстрел зверя, который, повидимому, даже не понимал опасности. Зверь, устроившись на льдине, спокойно закусывал

нерцою и с любопытством посматривал на приближающийся ледокол. Наиболее плохими стрелками было выпущено до сорока винтовочных пуль. Охота прошла в высшей степени неорганизованно. Люди на пять минут сошли сума, увидев невиданного доселе зверя. Защищенные железными бортами «Сибирякова», люди стреляли, как в тире. Результатом «охоты» был гневный приказ Шмидта. Этим приказом весь состав экспедиции разбивался на стрелковые бригады, которые могли стрелять только в порядке строгой очередности. И приказ достиг цели: все следующие медведи были взяты «побригадно» или небольшими группами, или даже отдельными охотниками, выходившими на лед и искавшими встречи со зверем один на один.

Мы вошли в лед.

К ритму могучих машин «Саши» (так, по примеру капитана, сибиряковцы стали называть свой корабль) прибавилось нечто новое: толчки и вздрагивания корпуса судна от ударов о лед. Но лед этот, простиравшийся повсюду до горизонта (новички удостоверились в этом с очевидным удовольствием), полностью оправдывал предположения Воронина и Визе: он не был *тяжелым*, «Саша» с легкостью шел льдами. Что же касается новичков, то они скоро привыкли к толчкам и вздрагиваниям в Сашином железном теле. И, хотя толчки и вздрагивания были вызваны посторонней силой, враждебной мощным машинам «Саши», сибиряковцы скоро перестали замечать их. В глубине своего физического самочувствия сибиряковцы очень скоро слили эти посторонние толчки и вздрагивания с собственным движением судна и с мерным дыханием напрягавшихся машин «Саши».

К Диксону мы прибыли на два дня раньше срока, намеченного в нашем плане: 3 августа, вместо 5 августа.

На Диксоне потянулись мучительные дни стоянки. Мы прибыли на два дня раньше срока, а «Вагланд» запаздывал на два дня против срока,— итого четыре дня. Но «Вагланд», в конечном счете, запоздал не на четыре дня, а гораздо больше. И каждый лишний день, проведенный у Диксона в ожидании угольщика, остался, я думаю, до сих пор

в памяти каждого сибиряковца. Вряд ли когда-нибудь мужчина ждал так любимую женщину или друг своего друга, как мы ждали у Диксона эту ветхую коробку «Вагланд».

Дни ожидания у Диксона мы скрашивали охотой, иногда легкой и добычливой, иногда опасной и недобычливой. Об одной из таких охот, в которой, в числе прочих, участвовал и я, можно было бы написать истинную трагикомедию. Трагикомедия разыгралась на фоне девятибального шторма, сигнальных костров на берегу и голодовки охотников, примерно, в течение тридцати шести часов... Но по-настоящему большое дело, которое было сделано во время стоянки у Диксона и которое, благодаря Шмидту, сократило мучительные «диксоновские» дни, — был рейс обоих ледоколов — «Сибирякова» и «Русанова» — к острову Свердрупа.

Остров Свердрупа лежит милях в восьмидесяти от острова Диксон. Но на острове Свердрупа никогда не бывал человек. Сибиряковцы и русановцы были первыми людьми, которые бросили на свердруповских болотах первый окурок, нашли на свердруповских песках более десятка видов полярной флоры, убили на свердруповских холмах трех белых медведей и — в итоге — точно определили местоположение острова Свердрупа на географической карте.

«Вагланд» наконец пришел. Можно вообразить, с какой страстью сибиряковцы накинулись на перегрузку угля с «Вагланда». Аврал был всеобщим. В процессе кипучей работы удалось впервые практически сблизить научных работников «Сибирякова» со всем прочим составом экспедиции, равно, как с матросами, так и с травоядными. Научные работники таскали кули с углем, как подлинные китайские кули. Аврал был проведен блестяще. Протокол штаба ударников отметил имена активнейших товарищей. «Печать» «Сибирякова» с гордостью опубликовала эти имена.

Закончив аврал, сибиряковцы отправились в дальнейший путь только 11 августа. Наросло колоссальное опоздание.

К устью Лены

Напрячь усилия, преодолеть препятствия, но «отыграть» потерянные у Диксона дни и достичь во-время Северной земли—вот чем дышали в каждой каюте на «Сибирякове», когда мы взяли курс на север.

Как предполагало руководство, «Сибиряков» от Диксона должен был вступить в труднейшую часть пути. Поэтому вставала необходимость заранее подготовить участников экспедиции к чрезвычайным трудностям. Что трудности будут чрезвычайные — не было сомнений. Северная земля надежно загорожена льдами! Крепость льдов у Северной земли испытали на себе седовцы в 1930 г.

От седовцев тогда потребовались нечеловеческие усилия.

И тут снова сказались качества Шмидта как начальника экспедиции. К моменту ухода с Диксона мы были морально отлично подготовлены. С каким-то веселым дерзанием жаждали мы неведомых еще препятствий и трудностей. Мы почитали себя заранее готовыми к любым усилиям.

Несомненно, что самая личность Шмидта явилась одним из основных источников тех настроений, которые к моменту ухода с Диксона столь обострили в нас стремление «отыграть» потерянные дни и бросить якорь у берегов Северной земли непременно в срок.

От Диксона «Сибиряков» выступил в паре с «Русановым». Опыт совместной работы двух ледоколов в тяжелых льдах, по замыслу Шмидта, должен был вообще обогатить практику ледокольной работы. Мы, шутя, называли этот будущий опыт «опытом спаренных ледоколов». В каютт-компании часто слышались самые фантастические рассуждения о том, как будут выглядеть «спаренные ледоколы» в работе среди тяжелых льдов.

Как бы ни было, но присутствие «Русанова» удваивало надежды на «отыгрыш».

Плохо было то, что мы на Диксоне так и не дождались нашего самолета. Самолету решительно не везло. Радисты «Сибирякова» то-и-дело принимали очередные со-

общения о вынужденных его посадках. В конце концов самолет утонул, упав в море; летчики, к счастью, спаслись.

Гибель самолета вызвала общее огорчение, но не потушила надежд на «отыгрыш». Шмидт, безмятежно мерцая голубыми, холодными глазами, чаще теперь вступал в разговоры то с одним, то с другим участником экспедиций. И в результате какой-нибудь травоядный вдруг проникался уверенностью, что отсутствие самолета—вовсе не минус, а, пожалуй, даже плюс... Ну, имей мы самолет и случись у летчиков вынужденная посадка где-нибудь во льдах, — что должен делать «Сибиряков»? Конечно, искать самолет и спасать летчика. Но хорошо сказать — «искать» самолет в ледяных пустынях. Попробуйте. Сколько надобно лишнего угля, которого у нас нет, и сколько понадобится лишнего времени. А времени мы также не имеем. Наши недели сосчитаны, как годы в пятилетке... Нет, самолет связал бы экспедицию по рукам и ногам.

Но спасшемуся летчику Иванову Шмидт послал ободряющую телеграмму. На мое замечание о мягком, почти сердечном тоне телеграммы Шмидт сказал просто:

— Надо же ободрить человека: он перестал быть участником нашей экспедиции.

Всячески подготовившись к трудностям и препятствиям, мы, естественно, нетерпеливо поджидали их. Каков же был конфуз, когда (в отличие от рейса «Георгия Седова» в 1930 г.) мы дошли до Северной земли, не встретив на пути ни единой льдины.

Где льды? Подайте льды!.. Идем, идем, до Северной земли дошли, а льдов нет, как нет. Разве Арктика перестала быть Арктикой? Нашим художникам Кантеровичу и Решетникову нечего рисовать. Нашему кино-режиссеру Шнейдерову невозможно сотворить звуковой фильм: не имеется в наличии «грохота полярных льдов». Нашему фотографу Новицкому невозможно «ярко запечатлеть подход корабля к Северной земле». Нашему корреспонденту Громову невозможно посылать эффектные телеграммы «Известиям» и «Вечерней Красной»... Где льды? Подайте льды. Они необходимы до зарезу.

Но льдов не было, и мы легко «отыграли» дни, потерянные у Диксона в ожидании «Вагланда». «Сибиряков» бросил якорь у Северной земли даже несколько раньше срока, но этим обстоятельством мы уже обязаны искусству нашего капитана. Ледокол «Русанов», державшийся параллельно курса с нами, заблудился в густом тумане. Он подошел к Северной земле на сутки позже нас и буквально в тот момент, когда «Сибиряков», сказав последнее прости Северной земле, уже уходил в свой дальний путь. С этого момента мы больше не видели «Русанова». А через несколько дней прекратилась с «Русановым» и связь по радио. Мы остались одни в самом сердце Арктики.

Сутки, проведенные на Северной земле (точнее, на островах Каменева, где находится научная станция Арктического института и жилье зимовщиков), будут памятны надолго, если не на всю жизнь. Эти сутки, наполненные необыкновенным содержанием, много дали уму и сердцу каждого сибиряковца.

Во-первых, врезалось в память самое приближение наше к Северной земле. Мы подходим к островам Каменева в чудовищном тумане. Левее нас, в таком же тумане, блуждал где-то «Русанов». Он открыл несколько новых островов, и это его задержало еще более. В радио-рубке, насыщенной теплом и электрическими токами, дежурил Шмидт, поддерживая беспрерывную связь с «Русановым» по радио-телефону. Справа, то выступая из тумана, то скрываясь в тумане, призрачно текли очертания Северной земли. Капитан находился в величайшем беспокойстве: туман — страшнейший враг кораблевождения.

В нижней кают-компании происходило открытое партийное собрание: вступал в партию ряд товарищей. Их точные и строгие заявления о готовности стать коммунистом звучали как присяга. В этот момент дежурившие на палубе услышали в тумане «чужие» выстрелы из «нагана». «Сибирякова» *заметили*. Зимовщики Северной земли, знавшие о нашем приближении по радио, вышли в мороз на моторной лодке, ориентируясь на позывные гудки «Сибирякова». Партийное собрание на время было прервано.

Все столпились на палубе, встречая долгожданных гостей товарищей с Северной земли, два года не видевших человека извне. Тут же произошло великое «целование» Шмидта, Визе, Воронина и прочих сибиряковцев с зимовщиками. Затем возобновилось прерванное собрание, и товарищи с Северной земли доложили, как они провели два года и что успели сделать за это время.

Собрание изумилось тому, что могут сделать четыре человека. Товарищи доложили, что таинственная, манящая Северная земля перестала существовать. Она превратилась в остров «Октябрьской революции», в остров «Большевик», в остров «Комсомолец», в остров «Пионер». Мы, не веря глазам, смотрели на прекрасные топографические карты Северной земли и с волнением слушали рассказ зимовщиков о 7.000 километров, пройденных на собаках в течение двух лет. Это невероятно — 7.000 километров по девственной земле, где никогда не бывал человек, по горной земле, покрытой вечными льдами, лежащей по соседству с полюсом. Но товарищи сделали их. И в результате из полярного небытия родились горы, проливы, мысы, острова, полуострова, их очертания тонкими, точными линиями улеглись на великолепной карте. Им даны славные имена: вот мыс Буденного, мыс Литвинова, мыс Молотова, мыс Розы Люксембург, вот полуостров Парижской коммуны, вот пролив Красной армии, вот залив Сталина, вот гора Серпа и Молота...

Но это не все. Товарищи еще доложили о геологическом строении Северной земли, об ее рудных богатствах. Ими найдено олово. Олова, повидимому, много. В будущем году необходимо произвести на мысе Оловянном промышленную разведку на олово!

Товарищи также доложили о том, как они жили во время четырехмесячной полярной ночи. Наши корреспонденты страстно записывали эти рассказы.

Наиболее важным в отчете товарищей было сообщение о «Проливе Красной армии» и о «Проливе Шокальского». Первый пролив отделяет остров «Комсомолец» от острова «Октябрьской революции», а второй—остров «Октябрьской

революции» от острова «Большевик». Оба пролива, в особенности пролив Шокальского, представляют собою *новые морские дороги* из Карского моря в море Лаптевых. Таким образом, будущий Великий северный морской путь перестает зависеть от ненадежного пролива Вилькицкого, до сих пор считавшегося единственной дорогой из Карского моря в море Лаптевых.

Отчитавшись, товарищи с Северной земли пригласили нас в гости. Мы побывали. Увидев своими глазами скудную обстановку их жизни, мы еще больше поразились тому, что успели сделать эти четыре товарища. Имена их: Г. А. Ушаков, Н. Н. Урванцев, В. В. Ходов, С. И. Журавлев.

Остальная часть замечательных суток, проведенных под 82-м градусом северной широты, прошла в оперативных совещаниях штаба экспедиции и в оперативных совещаниях Шмидта с проф. Самойловичем, начальником экпедиции на «Русанове». Так как «Русанов» все еще блуждал в тумане, совещание с Самойловичем было осуществлено при помощи радиотелефона.

Учитывая необыкновенно благоприятную ледовую ситуацию этого года в районе Северной земли, Шмидт решил увеличить задания, стоявшие перед «Русановым» и «Сибиряковым». Профессору Самойловичу было предложено исследовать пролив Шокальского — новую морскую дорогу на восток, а сам «Сибиряков» решался на попытку обогнуть Северную землю — с севера.

«Сибиряков» взял курс к мысу Молотова. Утром следующего дня (15 августа) мы увидели айсберги. Зрелище было неописуемое. На сливавшемся горизонте моря и неба, блистая холодным блеском, возвышалось становище айсбергов. Айсбергов было очень много. Основная их масса выстроилась почти по правильному кругу, образуя не то внутреннее море, не то озеро в море. Отдельные айсберги или уходили в даль, или были выдвинуты навстречу приближавшемуся «Сибирякову», словно грозные часовые. Что они сторожили, эти торжественные, сверкающие великаны? Наверно, космический покой здешних мест, не на-

рушенный с начала мироздания... На корабле произошла суматоха. Шмидт вытащил свои альпийские кошки, горные ботинки и особые специальные (памирские) кирки. Он собирался взобраться на один из них. «Кинооператчики» дежурили у аппаратов, выжидая айсберга «поэффектнее».

Ледяные великаны были столь синего цвета, что, глядя на них, глаз не воспринимал массы тела, облеченного в этот синий цвет; глаз видел перед собою одну синюю глубокую прозрачность, которой приданы странно-торжественные архитектурные формы. На плоских ледяных крышах айсбергов сидели в ряд чайки.

За мысом Молотова развернулось необозримое ледяное поле, тянущееся на восток и север. При первом взгляде на могучие льды становилось ясно даже новичкам, что тут при помощи машин нашего «Саши» ничего не сделаешь.

Мы повернули вдоль кромки льда, отжимаясь все более к югу, по направлению к мысу Розы Люксембург. Капитан хмурился. Он почему-то не взлюбил мыс Розы Люксембург. Очевидно, великое «ледовое чутье» заранее подсказывало ему крупные неприятности, поджидавшие «Сибирякова».

Капитан был прав. Через несколько часов новички собственными глазами увидели «работу ледокола в тяжелых льдах».

«Саша» грудью наскакивал на край ледяной перемычки, преграждавшей путь, и затем начинал медленно вползать на нее. Край перемычки постепенно опускался под его тяжестью. «Саша» вползал все выше и выше, край перемычки опускался все ниже и ниже. И вдруг узкие черные линии обозначали кусок отколовшейся перемычки—вновь родившуюся льдину.

Тогда «Саша» отбегал назад, на расстояние трех-четырех своих корпусов и, собрав всю мощь машин, снова устремлялся на перемычку. На этот раз, ведомый своим искусным капитаном, «Саша» целил в узкий канал, часто равный двум-трем дюймам, отделявший отколовшуюся льдину от массива перемычки. Со всей силой «Саша» вци-

рался в узкий канал и пытался выпихнуть отколовшуюся льдину или направо, или налево. Льдина, сопротивляясь, вставала почти на ребро, обнаруживая двух-трех-четырехметровую толщину, но «Саша» упорно полз вперед, под тяжестью его тела один край льдины все глубже уходил в воду, а другой—все выше поднимался над водой, давя на железные борта «Саши», оставляя на нем вмятины и царапины и все больше креня «Сашу» на бок. И вдруг наступал момент, когда льдина, вырвавшись из-под «Саши», плашмя обрушивалась в море, вспенивая воду и заставляя кружиться в водовороте более мелкие льдины. Это значило, что три-четыре метра пути отвоеваны. Выпрямившийся «Саша» снова отбегал назад и снова устремлялся на ослабевшую, сузившуюся перемычку. Еще несколько ударов — и «Саша» грудью разрывал перемычку и, покачиваясь, точно от усталости, плавно входил в разводья.

Бывало, что много раз подряд, иногда часами, «Саша» бил в одну точку перемычки, а перемычка не поддавалась. Тогда капитан подавал команду, и сибиряковцы выскакивали на лед, вооруженные лопатами, пешнями, зарядами аммонала, бикфордовым шнуром и проч. Следом вылетали на лед сияющие фотографы и кино-работники. Обливаясь потом, часто сняв с себя не только верхнюю одежду, но свитеры и даже рубашки, мы пешнями долбили лед, закладывали в лунки заряды аммонала... Тут-то обычно и обращались к нам работники фото- и кино-искусства с покорнейшей просьбой об «игровых» позах во время работы... Конечно, иногда посылали к чорту. Впрочем, при малейшей надобности в «добавочной» физической силе они также брались за пешни и лопаты. Наш кино-оператор Марк Трояновский был одним из самых лучших ударников среди нас.

Попадались перемычки, над разрушением которых работали три-четыре часа, производя до десятка взрывов, закладывая каждый раз десятки килограммов аммонала. «Саша» в это время отдыхал в нескольких метрах от нас. Капитан обычно стоял на мостике и нетерпеливо посматривал в нашу сторону, ожидая взрывов. Ему всегда казалось, что мы работаем чересчур медленно. Иногда до наших ушей доно-

сились «особо выразительные» слова, срывавшиеся с уст капитана. Они заставляли нас одобрительно пересмеиваться. Слова эти никогда не относились непосредственно к нам, а так... вообще...

Когда раздавался грохот и осколки льда, смешанные с водою, взлетали к нежному полярному небу, мы, схоронившись за надежным торосом, наслаждались феерической картиной взрыва, такой странной и неожиданной в этой ледяной пустыне, расстилавшейся вокруг нас, наполненной нестерпимым светом полярного солнца. Единственное черное пятно, что торчит перед глазами — наш стальной, закопченный «Саша». Он лениво пускает дымок из трубы, точно покуривает огромную сигару.

При всей нашей «технической вооруженности», включающей в себя машины «Саши», аммонал, лопаты, пешни, искусство капитана и живую силу наших мышц, мы иногда за целую вахту могли продвинуться вперед только на ...половину корпуса «Саши». Впрочем, столь медленное продвижение имело свои преимущества. Спрыгнув с борта прямо на лед, как пассажир прыгает со ступеньки трамвая на мостовую, мы в свободную минуту уходили «за медведем», иногда на несколько часов, и затем с легкостью нагоняли «Сашу», часто сгибаясь при этом под тяжестью отличной шубы, только что снятой с «господина полярных льдов».

Но мы все же продвигались. С правого борта медленно отступали на север сказочные восточные берега Северной земли, украшенные сверкавшими ледниками, спускавшимися к морю. И чем дальше мы продвигались к югу, тем быстрее уходила на север Северная земля. Льды все еще продолжали цепляться за стальные борта «Саши», но они уже не были страшны. «Саша» явно презирал их.

От мыса Евгенова (остров «Большевик») мы уже не видели льдов.

Последние дни перехода к устью Лены наградили нас совершенно неожиданным подарком, Мы шли морем Лаптевых, и нам казалось, что идем мы... ну, Черным морем, или Средиземным. Голубая гладь вокруг «Саши», над «Са-

шей» нежная, прозрачная синева. Тепло. Ярко. Легко, Просторно. Кружится чудесное полярное солнце, не успевая зайти. Мы неустанно торчим на палубе, разнеженные теплом, и смешиваем жесткий загар наших лиц—след холодных полярных ветров — с загаром от этих чудесных живительных лучей, гораздо более жизнетворных здесь, на высоком севере, чем на юге.

Подходя к устью Лены, мы приняли из эфира позывные сигналы, очень взволновавшие всех нас. Когда мы больше сблизились с неведомой радио-станцией и сигналы стали слышнее, мы почувствовали себя возвращенными в действительность нашей страны.

Дело в том, что с востока, из Тихого океана, нам навстречу продвигалась колоссальная экспедиция, руководимая т. Евгеновым и ведомая сквозь льды владивостокским ледорезом «Лидтке». Экспедиция состояла из полудюжины крупных судов (кстати сказать, большинство из них построено в Ленинграде), морских и речных буксиров, погрузочно-разгрузочных шаланд и прочих погрузо-разгрузочных средств. Экспедиция направлялась в устье Колымы. Она везла с собою оборудование, машины (в том числе колоссальные драги), продукты, рабочих, разборные дома и проч. Величина экспедиции объяснялась ее гениальным замыслом. Замысел состоял в том, чтобы единым мощным броском закинуть в пустынный и удаленный край все необходимое для создания большой промышленности. Одновременно в устье Лены собирался речной флот. Ледорезу «Лидтке», после того как он выполнит основное задание, то есть приведет огромную экспедицию в устье Колымы,—предстояло еще сделать дополнительный путь от Колымы до Лены, забрать собранные в устье Лены речные суда и перебросить их на ту же Колыму (на Колыме нет своего речного флота).

Вот какой величественный эпизод социалистического строительства постепенно выяснялся «в эфире», по мере того, как мы сближались с ледорезом «Лидтке».

Но вместе с тем выяснялась и другая картина: трудностей и неудач огромной экспедиции. Или Евгеновская

экспедиция слишком поздно выбралась из Владивостока, или ледовые условия этого года в Чукотском море были исключительно неблагоприятны, или в самой организационно-управленческой схеме экспедиции были заложены какие-то неправильности. Но уже по первым отрывочным и скудным «сведениям из эфира» на «Сибирякове» составили довольно точную картину колоссальных трудностей Евгеновской экспедиции. Вряд ли экспедиция выполнит свою задачу полностью. В лучшем случае ледорез «Лидтке» сумеет привести к устью Колымы свой огромный караван, разгрузить его и, может быть, привести разгруженные суда обратно во Владивосток. Но ни в коем случае он не успеет сделать дополнительный рейс к устью Лены, чтобы захватить собранные там суда и перебросить их на Колыму.

И, входя в бухту Тикси (устье Лены) оглядывая в волнении берега, открывавшиеся перед нами, — достижение этих берегов составляло половину нашего задания, — мы в то же время с не меньшим волнением смотрели на жидкие речные пароходы, прибывшие в устье Лены откуда-то из глубины Якутии. За ними должен прийти «Лидтке» и перебросить их из родной Лены в чужую Колыму. Но «Лидтке» не придет.

И, хотя «Сибиряков» не приспособлен к буксировке судов, Шмидт все же решил захватить с собою два парохода и провести их из Лены на Колыму, облегчив этим задачу экспедиции Евгенова.

В бухту Тикси мы прибыли 27 августа, вполне в срок.

К конечной цели

От мыса Молотова на Северной земле до бухты Тикси, что в устье Лены, мы спустились почти на десять градусов к югу. Беспрерывно светлые полярные сутки сменились другими, в которых утомительный день был все же как-то нормирован по отношению к ночи.

В бухте Тикси предстояло произвести новую погрузку угля и взять свежее мясо в виде оленьего стада. То и другое было заготовлено давно, еще путем телеграфной переписки из Ленинграда.

Угольная погрузка на этот раз была произведена силами грузчиков. Это были большие, сильные люди, в странных головных уборах, видом напоминавшие запорожцев по Репину, но в чертах их лиц отражалось смешение кровей многих сибирских национальностей. Они прибыли с пароходами по Лене, чтобы следовать отсюда на Колыму, на место развертывавшихся работ. По окончании нашей погрузки эти люди написали нам трогательное письмо, в котором заявляли, что верят в успех «Сибирякова» и гордятся помощью, которую могли оказать нам.

Из бухты Тикси мы вышли далее на восток, имея за кормой на буксире два речных парохода, — «велосипеда», как кто-то удачно обронил. Провести морем такой «велосипед»—хитрая задача. Хилый корпус суденышка вовсе не приспособлен к ударам морских волн: при шторме он может разлететься, как яичная скорлупа. А если встретятся льды?..

Но Шмидт не мог пропустить случая оказать помощь экспедиции Евгенова. Он решительно нацепил на буксир «Сибирякова» целых два «велосипеда».

1 сентября мы были уже на Ляховских островах. Ляховские острова лежат, примерно, на полпути между Леной и Колымой. Они известны как «склад мамонтовой кости». Бивни мамонта находят здесь в огромном количестве. В недалеком будущем острова приобретут другое, гораздо более важное значение. В недалеком будущем, еще в пределах второй пятилетки, побережье между Леной и Колымой несомненно станет районом оживленного каботажного плавания. Тогда Ляховские острова и получат надлежащее значение.

Сейчас на Ляховских островах метео-станция, жилой дом, зимовщики. Все как будто то же самое и в тех же масштабах, как и на героической Северной земле. Но, вот, люди...

Они, люди с Ляховских островов, приехали на лодке к нам в гости. Они так заросли волосами и были так грязны, что мы, потрясенные, смотрели на них в немом изумлении. Особенно поражал воображение молодой парень, лет девятнадцати, не больше, с длинными «поповскими» волосами, с тонким правильным лицом, на котором, под пушистыми ресницами, гнездились томные с поволокой глаза, опущенные к стакану с коньяком, что мы ему предложили; при всем прочем парень был очень здоров, раскрытая наголо его грудь и руки, обнаженные выше локтей, открывали молодое, крепкое тело, только грязное до такой степени, что мы...

— Да почему вы так грязны? — невольно спросили мы.

— Я вместе с товарищем дал клятву.

— Какую клятву?

— Не мыться два года.

Мы помолчали, переживая сию неслыханную в человеческом общежитии новость.

— И не стричься дали клятву? — догадался кто-то из нас, показывая на чрезмерные волосы на голове парня.

— И не стричься.

В довершение нашего потрясения оказалось, что парень пишет стихи, с которыми он и адресовался к сибиряковцам. Но среди нас не было ни одного поэта, никто из нас за весь путь не написал ни одной стихотворной строчки (кроме нескольких «боевых» песенок и «полярных» гимнов в честь отдельных товарищей), и поэтому мы не сумели удовлетворить запросов парня.

Писать стихи не воспрещается, конечно никому из живущих выше черты полярного круга. Но, уж если живешь там, то необходимо, кроме делания стихов, делать еще что-то. А мы сильно подозревали, что этот парень, кроме делания стихов, ничего другого делать не умеет. И действительно, когда, «отдавая визит», мы прибыли на той лодке в гости к ляховским зимовщикам и вошли в их жилье, для нас сразу стали ясны все «странности» этих, с позволения сказать, «зимовщиков».

Зимовочная станция на Ляховских островах — результат героических усилий Николая Васильевича Пинегина, полярного исследователя и писателя. Эта станция — его любимое детище. Уезжая с Ляховских островов, Пинегин оставил в наследство новым зимовщикам свою личную библиотеку большой научной ценности.

Многие из «сибиряковцев» лично знают Николая Васильевича (он работает ныне в Арктическом институте), любят и ценят его. Мы не могли не вспомнить о Николае Васильевиче, подходя к дому, построенному его руками. Но в доме Пинегина мы нашли грязь, лень, развал. Ценные книги из библиотеки Пинегина десятками валялись на полу в комнате одного из зимовщиков. Библиотека погибла более, чем на половину. Я спросил одного из зимовщиков, что прочел он из библиотеки. — Ничего! Ему некогда. В продолжение нескольких месяцев он выскабливал трубки и портсигары из мамонтовой кости. Но и самая мамонтова кость, которая была собрана в порядочном количестве, валялась возле крыльца дома, без всякого прикрытия, под дождем.

Через несколько часов огорченный «Сибиряков» отправился в свой путь — на восток. В хвосте у него попрежнему прыгали, как поплавки, два «велосипеда».

По правде сказать, «велосипеды» доставили не мало тревожных минут. Как на грех, море было не особенно спокойным: 4, 5, иногда даже 6 баллов. Мы стояли на корме и наблюдали с беспомощным сочувствием, как подскакивали на крупной волне легкие, точно пробки, «велосипеды». Ощущение было такое, что «велосипеды» сейчас рассыплются.

По счастью, мы почти не встретили льдов. Лед появился только перед самой Колымой, и то очень разреженным. Он был настолько разрежен, что капитан смог отлично маневрировать и этим уберечь хрупкие коробки от столкновения с отдельными льдинами. Тем не менее, всему наличному составу команды на «велосипедах» (по распоряжению Шмидта было допущено самое ограниченное число команды — из боязни погубить людей вместе

с пароходиками) было приказано дежурить на бортах, с длинными шестами в руках, и отталкивать приближающиеся льдины, — совсем, как при переезде в ледоход через речку шириною в десять метров.

К устью Колымы подошли 4 сентября. Мы подошли темной ночью. Широты, в каких мы находились, и время года сотворили эту памятную ночь такой же непроглядной, как и любая осенняя ночь где-нибудь в Псковской губернии в глухом лесу; только вместо жалобного шума оголенных древесных вершин глухо шумели морские волны, да над мачтами «Сибирякова» летели с воем, — так казалось уху, — невидимые облака, гонимые ветром. И вдруг во мраке, где господствовали одни волны, ветер и облака, возникли впереди, почти как чудо, огни... огни...

Совпадение действительно было чудесное. С востока, из Тихого океана, в этот час подходила к устью Колымы огромная экспедиция Евгенова, а с запада, пройдя пять полярных морей, подходил «Александр Сибиряков», ведя в помощь Евгенову два «велосипеда». Ночь была так темна, что нельзя было и думать о немедленном свидании руководителей двух экспедиций. Обе стороны ограничились приветственными гудками, заревевшими во мраке новыми для нас голосами, да усиленной работой наших радиостанций.

Как только открылись во мраке огни, наши моряки, по расположению огней на отдельных судах, по огненному «чертежу» отдельных кораблей, тотчас стали их узнавать.— Вот «Лидтке»... вот «Сучак»... вот «Анадырь»... — вскрикивали они, указывая рукою в непроглядную темь.

Утром возникла чудесная картина. До горизонта простиралась суровая и пустынная земля, повышавшаяся к югу, но залив моря (Восточно-Сибирского), прилегавший к суровой и пустынной земле, был полон жизни. Красные флаги на мачтах многочисленных судов развевались высоко в воздухе и как бы служили отличительным признаком этой необыкновенной жизни.

В толпе разнообразных кораблей, переполнявших бухту, особо выделялись — изящный в очертаниях «Лидтке» и

красавцы-гиганты, построенные в Ленинграде, на Балтийском заводе. Последние, в сравнении с «Сашей», казались могучими. Но, предназначенные своими строителями для плавания в других морях, они не имели ледокольных качеств, какие имел «Саша». И все же, не имея ледокольных качеств, они выглядели, — как мы определили это с палубы «Сибирякова», — совсем не пострадавшими от жестокого перехода во льдах, от Берингова пролива до Колымы. Зато сопутствующие им морские буксиры и прочая мелюзга имела столь потрепанную «наружность», что можно было легко вообразить все их злоключения во льдах.

Утром состоялось свидание руководителей двух экспедиций. Свидание произошло на «Лидтке». Многие из травоядных присутствовали при свидании. Отдельные счастливцы успели побывать и на других кораблях, главным образом, на ленинградских гигантах.

Свидание на «Лидтке» произвело тягостное впечатление. Все отрывочные сведения «из эфира», по которым на «Сибирякове» составили картину Евгеновской экспедиции, примерно, соответствовали впечатлению от живой действительности свидания. Сибиряковцы, свидетели свидания, не могли подавить в себе чувства обреченности экспедиции, — обреченности на неудачу, на зимовку. Лично мне кажется, что неудачу определили все три момента, которые нам чудились еще в море Лаптевых, а именно:

— поздний выход из Владивостока,

— неполадки в организационно-управленческой схеме огромной экспедиции и

— исключительно неблагоприятные ледовые условия этого года в районе от Берингова пролива до Колымы.

«Саша» простоял в соседстве с «Лидтке» всего несколько часов и снова отправился на восток, к Тихому океану. Последний отрезок пути, лежавший перед нами, манил, звал и возбуждал надежды на скорое решение задачи, на достижение заветной цели. И хотя товарищи с «Лидтке» не мало порассказали нам о трудностях, с какими они пробивались сквозь льды Чукотского и Восточно-

Сибирского морей, нам все же почему-то казалось, что последний отрезок не будет для нас труднейшим. К тому же отрезок, сравнительно с путем уже пройденным, был ничтожный, всего около тысячи километров.

И, действительно, три четверти отрезка «Саша» прошел, хоть и тяжелыми льдами, но очень ходко: в течение пяти дней. 9 сентября мы уже приближались к Колючинской губе. Колючинскую губу следует считать памятником Норденшельду. Здесь Норденшельд должен был зимовать,— зимовать после того, как уже сделал девять десятых всего пути.

Понятно, мы не без волнения приближались к этому «памятнику», знаменовавшему для нас предел человеческих усилий, отмеченный в четырехвековой летописи. Сегодня, 9 сентября, сибиряковцы приблизились к этому пределу, а завтра, 10 сентября 1932 г., предел будет перекрыт. А еще через несколько дней сибиряковцы выйдут к Тихому океану, пошлют об этом весть в Москву и Ленинград,— и сибиряковцам удивятся во всей стране.

Но надо было случиться несчастью, как говорится, «на этом самом месте». У Колючинской губы льдом сорвало все лопасти с винта, и беспомощный «Саша» превратился в «баржу ледокольного типа».

— Старик не пускает,— мрачно пошутили мы, имея в виду Норденшельда. Нам казалось, что сердитая тень великого шведа (финна по происхождению) витает над береговыми скалами, в виду которых произошла авария, осеняет суровое море, в котором мы находились, несется в ветре, завывающем в снастях, и встает из этих предательских льдов, заграждая «Саше» путь на восток.

Произошло так.

10 сентября, в 8 часов вечера, мы, как всегда, ужинали в нижней кают-компании. Ночи давно стояли темные, и «Саша» усвоил привычку останавливаться на ночлег. В тяжелых льдах немыслимо движение ночью.

К ночлегам во льдах мы давно привыкли. Как только мы переставали ощущать ритм машин «Саши», сотрясавший его стальное тело, и прекращались непрерывные

толчки льдин, в нижней кают-компании наступало обычное вечернее веселье. Иногда веселье наступало еще до остановки на ночлег, затем оно прерывалось ужином и снова возобновлялось после ужина...

... К Пете доктор прибежал,
Аспирину прописал,
— Аспирину не хочу.
Все равно я намочу...

— распевали мы хором про фотографа Петю Новицкого, под дикий аккомпанемент самодеятельного джаз-банда и под отличную игру на пианино, на котором, вместо Громова, корреспондента «Известий», иногда виртуозно играл сам проф. Визе, океанограф и метеоролог.

10 сентября «вечерний концерт» начался также до ужина. Наступала ночь. Вот-вот «Саша» остановится на ночлег... Почему же «Саша» не останавливается? Почему «Саша» сегодня упорно продвигается на восток, несмотря на ночь? Что там случилось, на капитанском мостике? Почему такое нетерпение?

Мы давно сидели за ужином, а «Саша» все еще продолжал двигаться. Мы так привыкли к постоянным толчкам льдин, что почти не замечали их. В глубине наших организмов мощные толчки льдин почти сливались с ритмическим сотрясением в стальном корпусе судна, происходившем от мерного дыхания машин.

И вот в этот своеобразно единый ритм движения корабля, образованный двумя враждебными силами (льдом и машинами), вдруг ворвалось нечто новое. Это был также удар льдины, но удар какой-то особенный. «Сашу» как бы рвануло. Особая дрожь, не совпадавшая с привычным нам ритмом, пробежала по стальному телу. Создалось полное впечатление, что «Саша» ранен.

Мы уже знали, что значат эти странные рывки. У восточного берега Северной земли мы их испытали.

— Опять в винт наверпуло, — покачал головую Марат. Вилка с препорядочным куском ветчины застыла в воздухе у Маратовского рта.

За столом стало тихо. Каждый как бы прислушивался. У каждого как бы обострялось чувство движения корабля на восток.

— Проехало, — с облегчением сказал кто-то через полминуты.

За столом снова стало шумно. Шнейдеров стал рассказывать про очередной задуманный им фильм.

Однако многим, из сидевших за столом чудилось, что далеко не все сошло благополучно. Как будто изменилось что-то в привычном ритме дрожания корпуса, исходившем от машин и винта. «Неужели сорвало еще одну лопасть?» (существовало предположение, что одна из лопастей сорвана льдами у восточного берега Северной земли).

Чудилось это и мне. Но лица товарищей, более опытных моряков, чем я, не выражали никакой тревоги... «Вероятно, я ошибся. Они лучше меня понимают корабль».

Ровно через пять минут повторился такой же неприятный удар. На этот раз удар не вызвал даже мимолетного внимания. Пустое! В чем дело? Разве, когда льдина попадет под винт, это значит, что она непременно сорвет одну из лопастей? Ничуть. Наоборот, гораздо чаще бывает другое: от стремительного удара винта разлетается на куски льдина.

После ужина вечернее веселье в нижней кают-компании достигло апогея. Художник Канторович публично рисовал карикатуру, изображавшую проект того же Пети Новицкого: «достижение Северного полюса на... слонах». Большая группа научных работников, давясь от хохота, следила за быстрыми, четкими штрихами, ложившимися на бумагу под рукою Канторовича. Компания биологов, физиков и геологов сражалась в домино. Любители более строгих игр сидели за шахматами и шашками. Кое-кто пытался даже читать, зажав для этого уши.

А «Саша» попрежнему двигался на восток... Пора бы ему стать на ночлег. К чему такая спешка?!

Увлеченные художественными страстями и азартом, многие не ощутили третьего удара в винт. А последовавшую вслед за ударом остановку ледокола приняли за обычную остановку на ночлег.

Меж тем на самом деле произошло катастрофическое. После третьего удара, вал, несущий винт, вдруг завертелся с огромной скоростью, но скорость корабля вместе с тем упала почти до нуля. Это могло значить только одно: исчезло сопротивление винту, оказываемое водою, и, следовательно, машины «Саши» работают в холостую.

Наверху, на палубе, на корме собрались капитан, Шмидт, Визе, штурманы, механики и те из травоядных, которые «уследили» трагический момент». Капитан отдал приказание осмотреть винт, и старший штурман Хлебников, Юрий Константинович, самолично спустился на канате к рулю и повис над водою. При свете направленных прожекторов Хлебников пытался рассмотреть через толщу воды, что́ осталось от винта.

По приказу старшего механика несущий вал медленно повернули, и в электрическом свете, проникавшем через воду, Хлебников ясно увидел дрожащие в воде очертания четырех изуродованных лопастей.

Ни одной целой лопасти «Саша» не имел. По чистой воде «Саша» мог бы еще двигаться со скоростью один — два узла в час, но против льдов, даже самых разреженных, он стал бессилен.

Это поняли все присутствовавшие; да и капитан мрачно подтвердил «истину».

Шмидт, капитан, Визе, Копусов ушли совещаться. Остальные присутствовавшие при осмотре винта предпочли пока-что «не распространять слухов».

Время было — двенадцатый час. В нижней кают-компании жизнь все еще не угасала. Научные работники и представители прочих «групп» сибиряковцев продолжали упражнять умственные способности при посредстве шашек, шахмат, домино, карт и проч. Большинство товарищей, находившихся в нижней кают-компании, еще не имели никакого представления о размерах катастрофы. Конечно, знали, что «осматривали сейчас винт», но никто не придавал этому особого значения. Мало ли зачем бывает нужно осмотреть винт!

Без четверти двенадцать открылась дверь, ведущая из твиндека в нижнюю кают-компанию. Неожиданно вошли Шмидт, капитан, Визе, Копусов и кое-кто из судового комсостава. Какая-то торжественная строгость ощутилась в этом молчаливом шествии. Как по команде, перестали стучать костяшки домино, деревяшки шашек и пр.

— Товарищи, — сказал Шмидт с обычной отчетливой дикцией. Он был чуть бледен, но по-обычному улыбнулся мягкой, холодной улыбкой, сказав слово «товарищи» и затем, совершенно необычно для себя, вдруг попытался выпрямить впалую грудь и расправить сутулые плечи. — Товарищи, осмотр винта показал, что одна лопасть срезана льдом начисто, две другие — на одну треть, четвертая — наполовину. Капитан утверждает, что при таком винте мы могли бы двигаться к нашей цели со скоростью узла два в час, и дней в сорок добраться до Владивостока. Но для этого нам нужна чистая вода, мы же находимся во льдах, а против льдов «Сибиряков» с такими лопастями — беспомощен...

В кают-компании господствовало сосредоточенное внимательное молчание. В общем молчании серьезнейший наш ученый, гидролог Лактионов, А. Ф., сердито пробормотал:

— Надо, Отто Юльевич, сменить лопасти...

— Мы сменим, — улыбнулся Шмидт. — Для этого нужно путем перегрузки угля из кормового трюма в носовой поднять корму футов на десять. Работы по перегрузке должны начаться... сегодня, с двенадцати часов...

Все невольно взглянули на часы, висевшие над пианино. Они показывали без пяти двенадцать. Профессор Визе, видимо, действуя, как автомат, вынул карманные часы и, подняв их над головою, показал нам. На часах проф. Визе было тоже без пяти двенадцать.

— Успеем, Отто Юльевич, сорганизоваться до двенадцати, — вдруг закричал диким голосом корреспондент «Известий» Громов.

... И действительно успели. Разнородный состав сибиряковцев, «сложный конгломерат трех групп», в течение полуминуты мы разбили на две рабочих бригады. В следую-

щую полминуту мы выбрали бригадиров двух бригад: доктора Личмера и корреспондента «Известий» Громова. Следующие две минуты ушли на оформление бригад, ибо понадобились бумажные документы: списки участников бригад, — без этого нельзя. Следующие полминуты ушли на дискуссию о том, какая бригада, «Громовская» или «Личмеровская», начнет первой работу по перегрузке угля. Выиграла бригада Громовская... В общем, хватило отпущенных пяти минут.

Я попал во вторую бригаду, «Личмеровскую». Второй бригаде было «приказано» бригадиром немедленно ложиться спать, ибо в 6 часов утра бригаду ожидала трудная работа. Но, пользуясь правами писателя, я упросил бригадира разрешить мне «сбегать» наверх, в верхнюю кают-компанию: я хотел посмотреть, что́ там делается.

В верхней кают-компании, — не на своем обычном капитанском месте во главе стола, а на общем диване, — сидел наш капитан, с серым от усталости лицом, спустив голову на грудь и сложив на коленях большие выразительные руки. Рядом сидел Шмидт. Лицо Шмидта звучало каким-то каменным, замкнутым в себе спокойствием, голубые его глаза были устремлены в потолок. Напротив капитана и Шмидта, через «кают-компанский» стол, стоял, прислонившись к пилерсу, старший штурман Хлебников. Хлебников широкими глазами, но с обычной иронической усмешкой на губах, смотрел в черный (ночной) круг иллюминатора, приходившийся как раз поверх голов Шмидта и Воронина. Кроме этих троих и меня, вбежавшего, никого не было в кают-компании.

Вдруг вбежал Громов, блестя глазами.

— Отто Юльевич! Владимир Иваныч! Моя бригада готова. С чего прикажете начинать?!

Хлебников оживился, как всегда он оживлялся, когда речь шла о каком-либо конкретном деле. Но не успел Хлебников дать указания Громову, как вмешался капитан. Капитан глухо произнес:

— Прежде чем начинать работать, осветите трюмы люстрами.

— Слушаю, — по-военному ответил Хлебников и, четко повернувшись и печатая каблуками, вышел из кают-компании. Громов вышел за ним. Я вышел за обоими.

Еще через пять минут Громовская бригада приступила к работе. Через шесть часов, в доску измученная, она повалилась спать, а ее место заступила бригада Личмеровская, или «докторская», как ее называли. Бригада Личмеровская, в смысле эффективности своего шестичасового труда, обогнала бригаду Громовскую. Но через шесть часов Громовская бригада снова приступила к работе и обогнала бригаду Личмеровскую. Еще через шесть часов бригада Личмеровская, сменив Громовскую, снова обогнала ее. А еще через шесть часов Громовская опять обогнала и т. д. до конца необычайного аврала.

Задачей обеих бригад было:

— из первого трюма выгрузить продовольствие и снаряжение экспедиции, рассчитанное на полтора года на семьдесять человек;

— выгруженное продовольствие и снаряжение погрузить на бак;

— перегрузить из третьего трюма в освобожденный первый четыреста тонн угля;

— и прочие поделки...

Общий тоннаж вещей, которые мы должны были «переместить», не ограничивался собственным весом вещей. Вес должно увеличить в несколько раз, ибо большинство грузов мы должны были «переместить» по нескольку раз.

План аварийного аврала обязывал в десятидневный срок выполнить следующее:

— в течение первых четырех дней произвести всю необходимую перегрузку с кормы на нос;

— в течение следующих четырех дней сменить лопасти;

— в остающийся срок произвести обратную перегрузку.

Шмидт всю ночь просидел над математическими расчетами. Утром он объявил результаты вычислений:

— весь наличный груз на «Сибирякове», перегруженный с кормы на нос, не даст поднятия кормы на нужную высоту: винт фута на полтора-два останется в воде, и, следовательно, смену лопастей людям придется производить, находясь в ледяной воде (ни водолазов ни водолазных костюмов на «Сибирякове» не имелось).

Второе:

— чтобы успеть выполнить перегрузочные работы в срок, намеченный планом аварийного аврала, каждый должен работать по норме профессионального грузчика; работать должны все семьдесять человек, за исключением проф. Визе (Визе взял на себя труд десятка человек: производство всех ежедневных научных наблюдений, — их нельзя было прервать).

Смена лопастей в открытом море, в море полярном, среди движущихся льдов — операция, не имеющая примера в морской практике. Но другого выхода у нас не было. В конце сентября в этих широтах могли начаться морозы. А морозы означали зимовку. А зимовка означала невыполнение основной задачи.

И нам лишь оставалось приступить к работе и работать из всех сил.

На второй день аврала судовой радист Кренкель упал под тяжестью шестипудового мешка с углем. Мы тотчас помогли ему подняться и спросили: не тяжел ли для него мешок?

Кренкель был очень смущен. Нет, мешок для него не тяжел. Дело в том, что на палубе очень скользко.

На палубе скользко? Ну, брат, Кренкель, ты славно выдумываешь. На палубе толстым слоем лежит угольная пыль, смешавшаяся вот с этими, падающими из туч, снежными хлопьями... так что и пыли-то не осталось, а одна жидкая, черная грязь хлюпает под твоими ботинками, товарищ Кренкель. Скажи по совести, разве эта жидкая грязь способна сделать из нашей палубы нечто вроде катка?

Впрочем, никто из товарищей, обступивших Кренкеля, не задал такого вопроса. Наоборот, как-то единодушно

переглянувшись, все вдруг изобразили на лицах, перепачканных углем, примерно следующее: «Совершенно верно, на палубе скользко, очень скользко. Взваливай же свой мешок на плечи, товарищ Кренкель, и постарайся больше не падать на скользкой палубе».

Товарищи, обступившие Кренкеля, мыслили очень реалистически: «нельзя Кренкелю выбывать из состава «грузчиков». Угля, который нужно перегрузить, очень много, а людей, которые будут таскать мешки, очень мало; сроки жесткие, затянуть аврал нельзя — грозит зимовка... Нет, пусть Кренкель продолжает таскать мешки».

Для удовольствия Кренкеля мы обругали скользкую палубу, а затем помогли ему взвалить на плечи мешок.

Когда Кренкель стал спускаться по трапу, с мешком на плечах, кое-кто обернулся и посмотрел вслед ему... Чорт возьми, у Кренкеля ноги дрожат...

И верно, через десять минут Кренкель снова упал.

Мы снова помогли ему подняться. На этот раз вид у Кренкеля был суровый, а мы, наоборот, были смущены. Но смущение не мешало нам ясно видеть, что суровое выражение на лице Кренкеля не может скрыть бледности его лица. Было очевидно, что сердце Кренкеля работает плохо. Оно слабее его широких плеч.

Совершенно неожиданно Кренкель стал снова уверять, что на палубе очень скользко. Тогда мы ему предложили отдать свой мешок более сильному, а его самого послать на другую работу, не столь тяжелую. Он не согласился. Мы стали настаивать. Он протестовал. Мы решили отнять мешок силой. Но он не терпел ни малейшего насилия над собою. Выпрямившись, Кренкель оглядел нас злыми глазами и сжал кулаки. Было ясно: сейчас он пошлет заботливых товарищей к высокой матушке. Кренкель был величайшим мастером «матушкина словесного искусства».

Но, к нашему удивлению, Кренкель забормотал что-то неясное и очень плаксивое. Его толстые, как у негра, губы задергались, и с глазами случилось неладное.

В продолжение минут пяти он обвинял нас в чем-то. Впоследствии никто не мог вспомнить, в чем же Крен-

кель мог обвинять. Но в ту минуту мы, очевидно, признавали за собою какую-то вину. Никто не возразил ни слова. Когда Кренкель замолчал, мы заботливо помогли ему взвалить мешок на плечи.

Это произошло на второй день аврала. А на седьмой — аврал был закончен. «Сибиряков» получил новые лопасти, и мы снова отправились на восток.

Аврал, рассчитанный по плану на десять суток, мы провели в семь. Это значило, что физики, гидрологи, биологи, химики дали нормы выработки в полтора раза более высокие, чем у профессиональных грузчиков.

Устали мы, разумеется, в десять раз больше, чем профессиональные грузчики. Мы выходили на работу на подгибающихся ногах, с отвисшими, как плети, руками. Мы так дорожили каждой минутой для отдыха и сна, что у нас не оставалось времени умыться. Мы перестали замечать черные лица друг друга. Пропала брезгливость к черным простыням и подушкам, на которых приходилось спать.

17 сентября мы вымыли и вычистили весь ледокол и самих себя. В этот день снова заработал обновленный винт. Мы были совершенно счастливы. Гул «Сашиных» машин и ритмическое содрогание в стальном теле «Саши» мы ощущали, как музыку внутри самих себя.

Утром 18 сентября, часов в семь, когда я и мой сожитель по каюте Канторович еще спали, в каюту стремительно ворвался Федя Решетников (второй художник экспедиции).

— Кому здесь на станцию «Тихий океан» — вылезай, приехали!

Оказалось, полчаса назад «Сибиряков» потерпел новую аварию, гораздо более страшную. От жестокого удара об лед обломился конец вала, на котором укреплен винт, и все наши четыре новых лопасти были на дне моря. Ни о каком ремонте собственными силами нельзя было думать. Рана «Саше» была нанесена непоправимая — излечить ее можно было только на судоремонтном заводе. «Саша» стал игрушкой ветров и течений, «показательным буйком». Катастрофа! Непоправимая катастрофа!!

Одевшись, я вышел на палубу. Кругом был тот самый лед, которым «Саша» шел вчера. Вчера наши старые полярники удивлялись: никому из них еще не приходилось никогда видеть такой лед. Крепости он был необычайной. Удар сильного человека пешнею (лом с острым наконечником) оставлял на нем еле заметный след. Видимо, он был пригнан в эту часть Чукотского моря ветрами и течениями откуда-то из глухих районов Арктики. Блуждающие много лет по морю, омываемые много лет морскою волною, отдельные льдины имели вид валунов, которые кувыркались в воде, как деревянные. Такой валун, попав под винт «Саши», не раскалывался на куски и не разлетался вдребезги. Стремительные могучие удары винта оставляли на нем неглубокий след, подобный винтовой нарезке на стали.

... Значит, под винт «Саши» попал один из таких валунов, и попал очень неудачно: не выдержал стальной вал, имевший в диаметре около метра.

На спардеке я заметил нашего доктора. Он стоял, подняв голову, и смотрел куда-то в облака... А! стая гусей летит к югу... огромная, колоссальнейшая стая. Откуда летят гуси? Неизвестно откуда... Они спасаются от полярной зимы, которая придет через неделю, через две, может быть, через три... Нет, придет скорее: полыньи между отдельными льдинами уже затянуты молодым ледком, образовавшимся за эту ночь.

. . . . . .

Мы вышли из льдов в Тихий океан 1 октября в 4 часа дня.

Тринадцать дней мы боролись за беспомощного «Сашу» почти голыми руками. Первые дни была надежда, что нас вынесет в Берингов пролив благоприятным течением (такое течение имелось там, и мы находились в его зоне) И действительно, первые дни нас довольно быстро несло в желанном направлении. На горизонте туманным штрихом вдруг появлялся очередной береговой мыс (несло параллельно берегу). Мыс приближался, вырастал, окрашивался в обычные краски камней, иногда в краски снега;

иногда мыс возбуждал удивление своей дикою красотою. «Сашу» несло на мыс, то повернутого кормою, то повернутого бортом, то совсем под каким-то необычайным углом. Наконец, мыс оставался позади нас, а на горизонте возникал туманный штрих следующего мыса.

Так мы «прошли» мыс Сердце-камень, мыс Икигур и однажды в солнечный день увидели на горизонте мыс Дежнева. Мыс Дежнева находится на углу Северного полярного моря и Тихого океана. Нас отделяло от Дежнева всего миль сорок пять. В тот момент эти сорок пять миль воплощали для нас все наши надежды.

Сильным ветром нас выкинуло из полосы благоприятного течения и втянуло в другое течение, повлекшее к северу, и даже не к северу, а чорт знает куда. Этот-то момент нашего пути и был тем моментом, когда очень оживился профессор Визе. «Саша», лишенный винта, превратился в идеальный буек, и течения Чукотского моря волокли его по неописуемым (для меня) направлениям. Но профессор Визе радовался. При помощи этого великолепнейшего из буйков он, Визе, изучит неизвестные течения Чукотского моря. И когда Визе, наконец, составил себе точное представление о клубке здешних течений и перенес его на карту, тогда-то мне и пришлось быть свидетелем, как однажды Визе вошел в кают-компанию, радостно блестя глазами и сладострастно потирая руки.

Вся остальная масса сибиряковцев, разумеется, по-иному реагировала на каприз ветра, выбросивший «Сашу» во враждебное течение. Что делать? Как задержать движение беспомощного судна, уносимого ветром, течением и льдами на север?

Попробовали выбрасывать якорь. Якорь удерживал судно,—удерживал настолько, что льды, окружившие «Сашу», несло быстрее, чем самого «Сашу».

Но от того, что льды несло быстрее, чем «Сашу», на якорную цепь наносило ледяные поля, иногда колоссальные, весом в сотни тысяч тонн. Якорь, конечно, не мог сдержать напора гигантских ледяных полей. Под их давлением он медленно волочился по дну моря.

Он натягивался, как струна, угрожая каждую минуту лопнуть.

Тогда капитан приказывал выходить на лед. Мы выскакивали на лед и взрывали ледяное поле, напиравшее на якорную цепь. После взрыва «Саша» некоторое время мог удержаться на освобожденном якоре. Затем напирало новое ледяное поле, и снова слышалась команда — «на лед!»

Так продолжалось, ночью и днем, в течение многих суток. Наши усилия приводили к тому, что мы замедляли продвижение «Саши» на север.

Подул благоприятный ветер, и льды понесло в желанном для нас направлении, а вместе со льдами и «Сашу». Перед нами встала новая задача: ускорить наше продвижение в желанном направлении.

Мы опять выскакивали на лед, на этот раз волоча за собою длинный стальной трос с якорем на конце. Якорем мы зацеплялись за какую-нибудь неподвижную крупную льдину, а затем, при помощи паровой лебедки, подтягивались к ней. Это походило на игру «в лошадей». Каждый такой «выход» на лед давал несколько метров продвижения вперед. Но из метров складываются мили, и, в конце концов, мы выиграли несколько миль.

Эти несколько миль были крупнейшей победой: они позволяли «Саше» выйти в более разреженный лед.

А выйдя в более разреженный лед, «Саша» получил возможность поставить паруса. «Саша»—судно не парусное, готовых парусов он не имел. Мы сшили их из старых угольных брезентов.

Представьте фантастическую картину: на фоне взрыхленного белоснежного моря, вспыхивающего ледяными огнями, под синим небом, освещенный ярким солнцем — черный, закопченный «Саша» под черными угольными парусами пытается итти на восток.

Еще два дня напряженнейшей борьбы «под парусами». И вот, накануне 1 октября, мы завидели на горизонте «темное» небо. «Темное» небо для полярного моряка знаменует, что близки большие пространства чистой воды.

Мы не ошиблись. На следующий день в 4 ч. 20 м. дня мы вышли на чистую воду. Пространства чистой воды были очень большими — Тихий океан. Здесь нас взял на буксир вызванный нами по радио рыболовный тральщик «Уссуриец».

Мы пришли к цели. В отличие от наших предшественников, нам понадобилось два месяца и четыре дня.

8

СУМАСШЕДШИЕ ОГНИ

Закончив путь во льдах, мы, наконец, пришли в первый устроенный порт. На берегу у подножия диких сопок раскинулся город. Город показался нам огромным. Это был Петропавловск на Камчатке.

Навстречу «Сибирякову» вышло в море все наличие петропавловских катеров, лодок, буксиров. Над зелеными волнами бухты несся приветственный гимн и летели крики «ура» камчатских рабочих и работниц.

На берегу ожидал парад пограничников. Мы, сконфуженные, поднимались по сходням на берег, заранее опасаясь, что придется на берегу сконфузиться еще больше. Но ничего, обошлось благополучно. Мы неблагородной кучей столпились перед шеренгой пограничников, вытянутой в струнку, и внимали речам петропавловских ораторов, как проповеди. В интервалах между речами мы потихоньку спрашивали у обступивших нас петропавловских работниц: сколько новых домн построено в Магнитогорске? как прошли хлебозаготовки? сколько угля дает нынче Донбасс? и кому в Петропавловске можно отдать в стирку наше белье?

В Петропавловске происходила окружная комсомольская конференция. Мы неблагородной кучею вошли в зал и перегородили конференцию, как плотина. Порожистое течение конференции остановилось, вернее, переменило направление течения. Оторвавшись от повестки дня, буйные комсомольские страсти полетели в новое будущее Камчатки, вестником которого было появление «Сибирякова» с запада. Восемь человек из сотни присутствовавших шо-

потом мне объяснили, что одной красной рыбы Камчатка нынче даст на пятьдесят миллионов рублей золотом! «Мы — валютный цех страны»!

Затем камчатские комсомольцы повлекли нас в соседнюю комнату, которая именовалась у них «Красный уголок». Им хотелось показать нам выставку образцов великих камчатских богатств.

Мы вошли — и выставка заиграла. Улыбались образцы минералов, деревьев, металлов, пушного зверя. Всем вдруг стало ясно, что образцы скоро перестанут быть образцами и превратятся в горы сырья и готовой продукции. Непременно превратятся! Ибо отныне, с момента прихода «Сибирякова» с Запада, погибают пятнадцать тысяч километров, давившие Камчатку, как петлею. Отныне богатые недра сопок, зверь в море и лесах, рыба в реках — все встает, как обещание цветущего з а в т р а. Отныне Камчатка ляжет на большой морской дороге, первый след которой проложен во льдах вот этим — посмотрите в окно: виден он! — израненным кораблем, что неподвижно чернеет на петропавловском рейде под высокими звездами тихоокеанского неба.

И тут-то в первый раз мы пережили редкое чувство. Нам в лицо сказали: вы — герои.

Когда говорят это не на сцене, а в жизни, советский человек непременно сконфузится.

Из «Красного уголка» камчатские комсомольцы повлекли нас на трибуну президиума конференции. Нас посадили под плакатом, объяснявшим нам, что мы—герои. Стульев в президиуме было мало, и мы уселись по двое на стул. Плакат над головою и аплодисменты в зале вдруг слились для нас в какой-то радужный туман.

Затем аплодисменты утихли, и начались речи. Но тут кто-то зоркий заметил, что среди нас не видно капитана Воронина. Тотчас была объявлена тревога, в результате которой капитана Воронина обнаружили в самом дальнем углу зала. Он сидел, прижимаясь к сырой стене, и тщетно пытался спрятать медное лицо. Его выволокли на сцену и водворили среди остальных. По правде говоря, в этот

сильно драматический момент мне показалось, что капитана Воронина смущает больше все его собственный нос: нос у нашего капитана сугубо национален по своей форме. Опустив этот нос, наш капитан, на виду у всего зала, стал мять фуражку.

Возобновилось течение речей. Они попрежнему напоминали порожистую реку, богатую водопадами. Говорили в очередь, камчатские комсомольцы и сибиряковцы, сменяя друг друга у небольшой кафедры, снабженной микрофоном.

Среди сибиряковцев были не только разные ораторы, но и разные люди. Один из наших товарищей, когда до него дошла очередь, завел длинную описательную речь, как храбро мы взрывали лед в шести полярных морях... Многие из нас, услышав этот пафос своего товарища, опустили головы и, подобно капитану стали мять собственные кепки. Но товарищ продолжал говорить, причем говорил он по каждому морю в отдельности. Тогда кое-кто из наших стал покидать президиум, уходя «покурить». Я тоже вышел в соседнюю пустую комнату.

Там в одиночестве сидел старик, профессор, давний камчатский работник. Он пришел на комсомольскую конференцию, потому что любил прекрасный, широкий, изобильный край, но пустынный и дикий до сего дня. Много лет жизни, много знаний и сил он отдал краю. В мечтах он давно видел, как торжествующая жизнь принесла в край то последнее, чего ему нехватало: социалистический труд человека.

Поэтому и сидел старик-профессор в соседней пустой комнате. Сквозь открытую дверь до него доносилось все, что волновало комсомольцев в конференц зале.

Я молча опустился на скамью рядом с ним. Мы поздоровались. Узнав, что я с «Сибирякова», он вторично пожал мне руку и сказал:

— Вы сами не понимаете, что вы сделали. Вы—герой.

По теплой любовной нотке в голосе старика я почувствовал, что он ко мне относится с высоты своих стариковских лет. Человеческим теплом дышало замечание ста-

рика, но все же я не мог согласиться с ним. Я был уверен, что мы, сибиряковцы, отлично понимали, что мы сделали. Но как объяснить этому камчатскому мечтателю, для которого камчатские сопки заслонили всю остальную страну, весь мир, всю историю мира,—как ему объяснить, что самые сокровенные стимулы, которые больше всего побуждали сибиряковцев к чрезвычайным усилиям,— это стимулы соревнования двух миров. Он не поймет меня.

Я взглянул на старого профессора. Он внимательно слушал доносившиеся из зала комсомольские речи о завтрашнем цветении Камчатки, и в полинявших глазах старика ярче и ярче разгорались сумасшедшие камчатские огни. Я невольно подумал, что эти сумасшедшие огни когда-нибудь разгорятся столь ярким пламенем, что люди по ту сторону океана, на противоположном материке, зажмурят ослепленные глаза.

Нет, этот камчатский мечтатель не поймет меня. Но я все же попытался говорить:

— Поймите, товарищ профессор, то, что мы сделали, может быть, и является чем-то...

Старик не дал мне договорить. Он прервал меня, дав мне папироску и заглянув в мои глаза:

— Вы сами не понимаете, что вы сделали. Вы — герои.

Я пожал плечами. Старик профессор явно не хотел спускаться с высоты накопленных лет. Он не желал признать во мне оппонента. Но в глубине души я был убежден, что из нас двоих я все же шире открываю глаза на мир, чем этот старик, в глазах которого горят такие яркие огни.

Горючим, питавшим сумасшедшие огни, был наш израненный, потрепанный «Саша». Он, «Саша», вставал на петропавловском рейде, окрашенный в синюю камчатскую ночь. Он вставал, как образ художника, как макет будущего. Высоко над ним дрожали удивленные тихоокеанские звезды.

Кабинет Севера
Обл Библиотеки
им. А. Н. Добролюбова

Содержание

1. Летопись 3

2. Задание партии и правительства . 9

3. Вожди экспедиции 16

4. Помощники вождей 27

5. Состав экспедиции 33

6. Коммунисты 42

7. Поход 46

8. Сумасшедшие огни 84

Сдано в набор 10/VII 33. Подписано к печати 17/VII 33.
Формат бум. 72×105 1/32. Печ. л. 2 3/4. Зн. в 1 п. л. 67392.
Ленгорлит № 18756. ОГИЗ ЛЕНГИХЛ 2722 Тир. 10.250 Зак. 6013.

Типография «Советский Печатник», Ленинград, Моховая, 40.

2, 82, 74, 77,

Цена 65 к.